

75
ПОБЕДА!
1945–2020

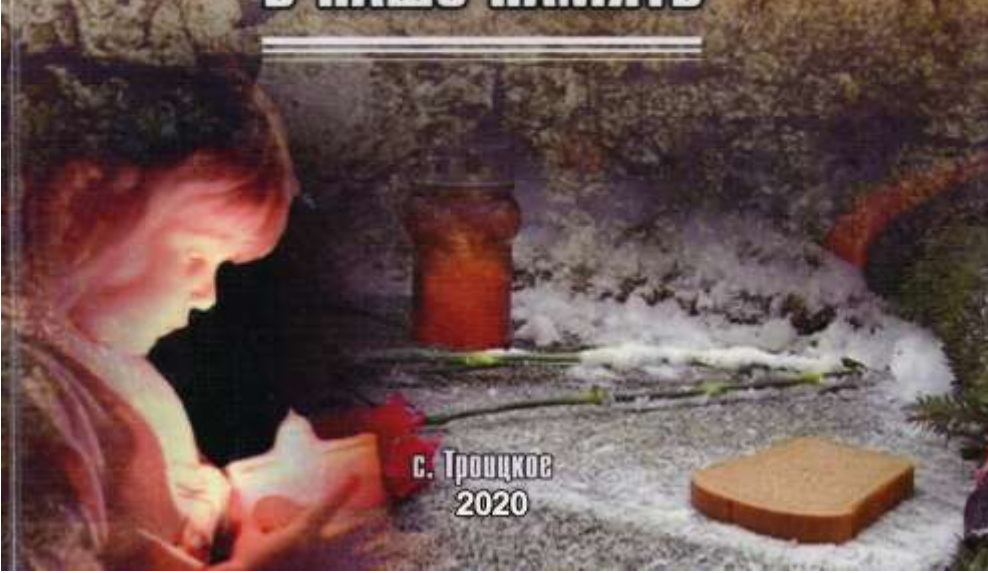

Валентина Каркавина

**ЗАЖГИТЕ СВЕЧИ
В НАШУ ПАМЯТЬ**

с. Троицкое
2020

ВАЛЕНТИНА КАРКАВИНА

ЗАЖГИТЕ СВЕЧИ В НАШУ ПАМЯТЬ

**с. Троицкое
2020 год**

Валентина Каркавина

Зажгите свечи в нашу память/ В. Каркавина – с. Троицкое, 2020 г. –
100 с. ил. Второе, дополненное издание/

В сборник вошли стихотворения и рассказы
поэтов Троицкого района и г. Новоалтайска, а также воспомина-
ния жителей блокадного Ленинграда

Сборник издан при спонсорской поддержке депутата Алтайского
Законодательного Собрания Андрея Геннадьевича Хмуровича и
активном участии Троицкой центральной модельной библиотеки
имени Р.М. Попова во главе с директором Н.Ф. Малыхиной и поэ-
тического объединения «Вдохновение» под руководством Людми-
лы Георгиевны Фельдбуш

Каркавина В., 2020г.

900 дней и ночей сражался блокадный Ленинград за своё выживание. В этой кровавой битве погибло около двух миллионов человек, среди которых сотни тысяч детей, которые наравне со взрослыми испытали все ужасы войны, мечтая о куске хлеба и мирном небе над головой. Ленинградских детей не спасла даже эвакуация. По всей стране похоронены тысячи детей блокадного Ленинграда, многие из них нашли свой последний приют на земле Троицкого района.

**Вы вспоминайте чаще нас:
Ведь мы когда-то тоже жили.
Любовь мы унесли с собой
В обители далёкие, иные.
Вспоминайте нас ночью и днём,
А ваши цветы станут вечным огнём.**

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Книга посвящается детям блокадного Ленинграда, которым пришлось пережить недетские испытания в годы Великой Отечественной войны. Ужас блокадных дней не забудут никогда те, кто выжил, а умершие останутся в нашей памяти навечно! Прекрасен город, восстановленный после войны, но его дома, улицы и площади помнят о мужестве и стойкости ленинградцев.

Каждый год в преддверии дня Победы души погибших спускаются к нам из неведомой дали, чтобы напомнить и предостеречь, и их тихими голосами наполняется ночной город. В этом скорбном плаче ясно различаются детские голоса, которые напоминают о той страшной трагедии. В 2020 году исполняется 78 лет со дня эвакуации в Троицкий район более 300 малюток блокадного Ленинграда, которые были размещены в Боровлянке, Петровке и Хайрюзовке в августе - октябре 1942 года. Особенно тяжёлая участь досталась малюткам в с. Боровлянка. Жители села и обслуживающий персонал детских домов, как могли, спасали изнурённых голодом, болезнями и холодом блокадных ребятишек, но 88 детей умерли и были похоронены на сельском кладбище.

По инициативе учеников и учителей Боровлянской средней школы были собраны средства на сооружение памятника в честь этих детей. Благодаря спонсорской помощи депутата Алтайского Законодательного Собрания Андрея Геннадьевича Хмуровича в 2012 - 2020 годах была издана книга «Зажгите свечи в нашу память» о мужестве ленинградских детей, нашедших последний приют на боровлянской земле. В книгу вошли воспоминания участников битвы за Ленинград и очевидцев того военного времени, а также стихи и рассказы тройчан о подвиге земляков в годы Великой Отечественной войны.

Валентина Каркавина

ЛЕНИНГРАД В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

С первых дней Великой Отечественной войны Ленинград становится главным объектом уничтожения со стороны германских захватчиков. Ленинградцы мужественно обороняли родной город от врага, который не смог сломить город военными действиями и решил уничтожить его блокадой. Общая площадь взятых в кольцо Ленинграда и пригородов составляла около 5000 квадратных километров. Линия фронта проходила в 4 километрах от Кировского завода. Немецкие войска приступили к разрушению города массивными артиллерийскими обстрелами и бомбёжками.

Особенно сильными были удары в октябре - ноябре 1941 года. За время войны немцы сбросили на город пять тысяч фугасных бомб, свыше 100 тысяч зажигательных и 150 тысяч артиллерийских снарядов с целью вызвать массовые пожары и стереть Ленинград с лица земли. Началом блокады считается 8 сентября 1941 года, когда была прервана сухопутная связь города со всей страной. Блокада сознательно была нацелена на вымирание городского населения. До войны в Ленинграде проживало более 2,5 миллионов человек. С началом войны город наводнило более 300 000 беженцев из прибалтийских республик и соседних с ним российских областей. Снижение норм выдачи продуктов впервые произошло 15 сентября, а в ноябре в Ленинграде начался настоящий голод. Запасы продовольствия пополнять было крайне сложно: по воздуху обеспечить снабжение такого большого города было невозможно, а судоходство по Ладожскому озеру временно прекратилось из-за наступления холодов. В то же время лёд на озере был ещё очень слабым, чтобы по нему могли проехать автомашины с продовольствием. Размер продовольственного пайка составлял: рабочим — 250 граммов хлеба в сутки, иждивенцам и детям до 12 лет — по 125 граммов. Хлеб на 40 процентов состоял из солода, овса, шелухи и опилок.

Все эти годы верным спутником ленинградцев был знаменитый метроном, вошедший в историю блокады Ленинграда, как культурный памятник сопротивления населения: быстрый ритм

означал воздушную тревогу, медленный ритм — отбой. В ноябре 1941 года смертность горожан от голода стала массовой. Жители умирали скоропостижно, ежедневно насчитывалось более 4000 человек. В декабре умерло 52881 человек, за январь - февраль 1942 года погибло 199187 жителей. Мужчины умирали гораздо быстрее, чем женщины, поэтому к концу войны женщины составляли основную часть городского населения. С наступлением зимы в городе закончились запасы топлива, прекратилось централизованное отопление домов, были отключены водопровод и канализация. Зима 1941 - 1942 годов оказалась значительно холоднее и продолжительнее обычного. «Свеча горела с двух концов» — эти слова выразительно характеризовали положение жителей города, живших в условиях голодного пайка и физических и психических нагрузок. Советские войска предприняли две операции с целью восстановления сухопутной связи Ленинграда с остальной страной.

Всего за 1941 - 1943 годы на «Невском пяточке» погибло более 50 000 советских солдат. 18 января 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились, в этот же день был освобождён Шлиссельбург и очищено от противника всё южное побережье Ладожского озера. Проритый вдоль берега коридор шириной 8 - 11 километров восстановил сухопутную связь Ленинграда со страной. За семнадцать суток по берегу были проложены автомобильная и железнодорожная «Дорога Победы». К моменту прорыва блокады в городе оставалось около 800 тысяч человек гражданского населения. В ходе операции «Январский гром» 27 января 1944 года блокада была полностью снята. В результате мощного наступления Советской Армии немецкие войска были отброшены от Ленинграда на расстояние 100 километров. 900 дней и ночей продолжалась самая продолжительная и чудовищная в истории человечества блокадная эпопея одного из значимых городов СССР. В битве за Ленинград погибло больше людей, чем потеряли Англия и США за все время войны. Ленинградская трагедия в годы Великой Отечественной войны унесла из жизни полтора миллиона человек, не обошла стороной и жителей Алтайского края.

*Екатерина Березикова
с. Боровлянка*

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА ЛЕНИНГРАД

Велик вклад Алтайского края в освобождение блокадного Ленинграда, в защите которого принимало участие более 50 тысяч солдат из Алтайского края. В память об их подвиге открыта мемориальная доска на Пискаревском кладбище и названы ленинградские улицы. Наши земляки из Бийского 71-го дорожно-эксплуатационного полка обеспечивали связь с городом по Ладожскому озеру. Алтайские воины из 372-й стрелковой дивизии в январе 1943 года прорубили первую брешь в блокадном кольце. С блокадным Ленинградом связано имя командира танкового взвода 124 - ой танковой бригады Ленинградского фронта лейтенанта Федора Фомина, первого в Алтайском крае получившего звание Героя Советского Союза. Защитниками Ленинграда были снайпер Мария Малявина из Бийска, командир взвода 87-й кавалерийской дивизии Константин Аносов из Барнаула, радистка Валентина Олешко из Алейска. Сотни защитников с Алтая, в их числе воины из Троицкого района, сложили свои головы в боях за город на Неве.

В братских могилах Ленинграда нашли свое последнее пристанище воины-тройчане: Павел Дмитриевич Алексенцев, Иосиф Михайлович Гаврилин, Федор Николаевич Наливкин, Степан Ефимович Кадочников, Людвиг Робертович Капатурин. Связист Тимофей Ермолаевич Лобцев из Шерстнихи погиб при выполнении боевого задания, подорвавшись на mine. Боец Иван Животягин из Боровлянки погиб во время бомбежки. Новиков Иван Федорович из села Шерстниха погиб смертью храбрых. Высокое звание гвардейцев было присвоено нашим землякам: Даниилу Николаевичу Фролову, Николаю Самойловичу Филоненко, Дмитрию Алексеевичу Гаршину, Филиппу Петровичу Петрушину. Пётр Яковлевич Петрушин вместе с группой бойцов попал в окружение под Ленинградом, где превосходящие силы противника загнали их в болото, но воины выстояли до конца и пробились к своим. Были тяжело ранены в боях за Ленинград Иван Гаврилович Ярохо, Афанасий Сидорович Корнеев, Григорий Иванович Коровин, Федор Гаврилович Русляков, Николай Агапович Заверженец, Николай Васильевич Бобрышев, Алексей Николаевич Киселёв, Андрей Николаевич Филин. Митинский Евгений

Владимирович несколько раз был ранен на Невском пятачке, впоследствии умер от ран. Под Ленинградом были тяжело ранен Павел Карпович Добрынин. В декабре 1941 года автобатальон, где он служил, был переброшен из - под Москвы на ледовую трассу Ладожского озера. На станции Жихарево машины загружались продовольствием, и под непрерывным огнём противника шофёры на полупортаках везли этот бесценный груз в блокадный город. Марк Иванович Бякишев из Загайнова, Прокопий Кириллович Нестеров из Боровлянки и Александр Михайлович Кузьмин из Троицкого под обстрелом вражеских самолетов тоже доставляли по Дороге жизни продовольствие и боеприпасы для ленинградцев, а из города вывозили раненых и детей. Тяжёлая доля досталась Леониду Андреевичу Крахмалёву из Боровлянки, который сражался за Ленинград, потеряв обе ноги. Дмитрию Максимовичу Анисимову поэт Николай Тихонов посвятил эти строки:

Вы Ленинград на Неве защищали,
В бой рукопашный вступали с врагом,
Личным примером солдат вдохновляли,
Били фашистов огнём и штыком.

Сержант-артиллерист Константин Степанович Бабакин из Троицкого был трижды ранен и контужен в боях за Ленинград, но сражался до конца. Уроженец Загайнова Николай Степанович Иешкин участвовал в прорыве обороны Ленинграда. Мужественно вынесли все тяготы блокады воины - тройчане: Петр Яковлевич Лукьяненко, Алексей Степанович Вяткин. Не посрамили чести советского солдата разведчики Николай Гаврилович Калугин, Пётр Андреевич Мурзинцев и Георгий Афанасьевич Нефедов, командиры Григорий Абрамович Заболотников и Василий Николаевич Ряшенцев. Следует отметить ещё один факт мужества и стойкости ленинградцев и защитников Ленинграда, которые за годы блокады сдали более 144 тонн собственной крови для раненых бойцов и обессиленных детей.

*Валентина Шморина
с. Троицкое*

Лукьяненко П.Я.

Новиков И.Ф.

Бякишев М.И.

Бабакин К.С.

Анисимов Д.М.

Филоненко Н.С.

Лобцев Т.Е.

Фролов Д.Н.

Корнеев А.С.

Калинин Николай Гаврилович
 5-1929 г.г. Воевал в развед-
 честве Ленинградского стрел-
 кового полка 72-ой дивизии.
 С 1945- года трудился инженером в
 заводе. Награжден орденом
 Отечественной войны
 2 степени, медалями.

Калугин Н.Г.

Нефедов Георгий Арсеньевич
 родился в Ленинградском Станкоградском
 производственном фронте. Был заместителем
 начальника цеха. Награжден тремя орде-
 нами Красной Звезды и орденом Славы
 3 степени.

Нефёдов Г.А.

Ярохо Иван Гаврилович
 родился в 1907 г. в Ленинске. В 1941
 году вступил в армию. Служил в 1942 году
 в 1-й стрелковой дивизии в Ленинске.
 Народный герой СССР. С 1947 года в
 Ленинске в институте.

Ярохо И.Г.

Заверженец Н.А.

Кузьмин А.М.

Русляков Ф.Г.

МЫ ПОМНИМ!

Дальний Восток и Сибирь в годы Великой Отечественной войны приняли миллионы эвакуированных людей из разных областей центральной России. Алтай снабжал фронт не только продовольствием, боеприпасами, живой силой, но и принял сотни заводов, предприятий, учреждений, госпиталей и детских домов. Всего в Алтайском крае в первый военный год оказалось более миллиона человек. В 1942 - 1943 годах в 29 районах и городах края было раз-

мещено более 10 тысяч детей из 88 детских домов, среди них – более 5000 детей - блокадников. По данным управления Алтайского края по архивному делу в 1944 - 45 годах в Алтайском крае было зарегистрировано 25 детских садов, 14 детских домов, 11 детских интернатов, 4 дома малютки, 3 специальные военные средние школы, 2 дома детей-инвалидов и другие детские учреждения. В справке Алтайского крайкома ВЛКСМ о состоянии работы 25 ленинградских эвакуированных домов и 11 интернатов отмечалось, что ленинградские дети не только хорошо учились, но и активно участвовали в драматических, балетных, музыкальных кружках. Более 300 сирот из детского дом № 30 и домов-малюток № 1 и № 3 были отправлены в Ново - Боровлянку Троицкого района, в основном это были дети до пяти лет с дистрофией 1 и 2 степени. Жители и воспитатели делали все, чтобы выходить их, но не всех удалось спасти. Степень истощенности была такая, что многие малютки

были обречены. На сельском кладбище в Боровлянке было похоронено 88 детей - блокадников, в память которых боровлянцы в 2012 году воздвигли на сельском кладбище памятник. В 2020 году в честь 75 - летия Победы СССР в Великой Отечественной войне состоялось открытие Боровлянского мемориала Воинской Славы и второе издание книги «Зажгите свечи в нашу память» о защитниках и детях блокадного Ленинграда. Это дань памяти жителей Алтайского края и Троицкого района о подвиге нашего народа,

сумевшего отстоять мир на планете.

Депутат АКЗС *А.Г. Хмурович*
г. Барнаул

И ТАКОЕ БЫВАЛО

Многие мои земляки из Троицкого района попали на Ленинградский фронт и участвовали в битве за Ленинград. Я был определён поваром на фронтовой кухне, где приходилось готовить еду иногда на пятьсот человек и более. Несмотря на постоянные бомбёжки, мы с подручными старались накормить бойцов горячей пищей хоть один раз в сутки. Иной раз привезём термосы с едой, а кормить некого: почти все воины полегли в бою, а оставшиеся в живых были покалеченные и контуженные, так что со слезами на

глазах с ложечки приходилось кормить бойцов после оказания первой медпомощи. Однажды нечаянно встретил своих земляков Лукьяненко Петра и Подленичеву Клаву из Троицкого района, но поговорить толком так и не пришлось: начался массированный вражеский артобстрел нашего расположения части. Враги намеренно это делали, чтобы не дать возможности нашим бойцам нормально пообедать. Я часто вспоминаю страшные дни блокады города, сколько было положено жизней за его освобождение. Я тоже был неоднократно ранен, отмечен многими наградами, но самая дорогая из всех наград — медаль «За оборону Ленинграда». Меня и моих товарищей на фронте выручала ещё гармошка, на которой я играл в перерывах между боями. Она поднимала дух бойцов, вселяла надежду на скорую победу и напоминала всем о родном доме.

*Филипп Петрушин
с. Троицкое*

ХОДИЛ В РАЗВЕДКУ НА НЕВЕ

Ленинградская блокада была ножом в сердце каждого советского человека в течение 900 дней и ночей. Самые лучшие подразделения воинов - защитников сражались за Ленинград. Пришлось и мне участвовать в великой битве в составе 115 отдельной разведроты. Со своими разведчиками мы не раз приводили «языков», владеющих ценной информацией о численности немцев и планах их командования на Ленинградском направлении. Каждая такая операция стоила жизни многих моих бойцов, но приказ есть приказ, и его нужно было выполнять: на карту истории был поставлен легендарный город нашей страны, где ежедневно от голода и холода, от вражеских снарядов гибли люди. Запомнился навсегда день 15 января 1943 года, когда в четыре часа утра с Пулковских высот заговорили наши «Катюши», враги в ужасе увидели озарённое пламенем небо и услышали вой прилетевших к ним смертельных снарядов. Через несколько дней советские войска освободили Красное Село, это было началом прорыва кольца вокруг Ленинграда, но до полного снятия блокады города оставался целый год. Я имею две медали за Ленинград: «За оборону Ленинграда» и «В честь 200-летия города на Неве».

*Петр Мурзинцев
с. Троицкое*

ИХ УВОЗИЛИ ОТ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война вошла в каждый дом, она оставила свою траурную метку в душе миллионов наших советских людей. Село Боровлянка проводило на фронт более двух тысяч бойцов, более 700 из них не вернулось в родные края. В годы войны боровлянкам пришлось столкнуться с ещё одной бедой: принять на проживание более 300 малюток блокадного Ленинграда. Детдом №3 разместили в бывшем клубе, где из досок соорудили нары. 135 воспитанников детдома № 30 поселили в старом бараке по улице Советской. Директором была З.А. Нетеса, завучем – В.И. Трубачкова. Среди восьми воспитателей были блокадницы: Н.Е. Андрейчикова, А.А. Мельникова, Л.П. Донова, Д.Н. Семёнова, А.И. Овсейчик. Много было обессиленных детей, которые просто медленно умирали от дистрофии. Старшей пионервожатой была Фукс Миния Ароновна, начальником комсомольского отряда – Ростовцева Валя. При детском доме действовал совет во главе с Немковой Ниной. Некоторых детдомовцев взяли на воспитание жители Боровлянки: так семьёй Голотвиных был усыновлен четырёхлетний мальчик Ваня.

Беликовы Аким Антипович и Елена Афанасьевна удочерили трёхлётнюю девочку Валу, воспитали её, дали образование. Смерть настигла её на 42 году жизни. Из всех воспитанников осталась жить в Боровлянке только Ломакина - Смирнова Нина Андреевна, которую в 1943 году удочерила Анна Тихоновна Паксеева. Нина Андреевна получила профессию бухгалтера и всю жизнь прожила в селе Боровлянка, как и бывшая нянечка детдома Крахмалёва - Семёнова Наталья Федотовна, которая сопровождала детей на Алтай в 1942 году. Обе они награждены медалью «Житель блокадного Ленинграда» и являются гордостью села Боровлянка.

*Владимир Фомин
с. Боровлянка*

И ЗА СЕБЯ ОТНЫНЕ ЖИТЬ НАМ НАДО И ЗА УМЕРШИХ СВЕРСТНИКОВ СВОИХ

В августе - октябре 1942 года более 300 ребятишек из ленинградских детдомов №1, №3, №30 были эвакуированы в Боровлянку. Воспитатели и медработники, как могли, спасали изнуренных голодом и холодом ребятишек, но 88 детей умерли за полгода пребывания в Боровлянке и были похоронены на местном кладбище. Оставшихся в живых детей перевели в Петровский дом малютки Троицкого района и другие детдома Алтайского края.

Боровлянский памятник детям блокадного Ленинграда

В 2000 году на месте захоронения детей - блокадников был воздвигнут православный крест, который освятил настоятель Свято - Троицкой церкви Сергей Левкин. В 2008 году на этом месте установили закладной камень с именами умерших детей, в 2012 году уже был воздвигнут памятник. Из детдомовцев осталась жить в Боровлянке только Нина Андреевна Ломакина, которую в 1943 году удочерила Анна Тихоновна Паксева. В Боровлянке также проживает бывшая нянечка Ленинградского детдома №3 Наталья Федотовна Крахмалева, которая сопровождала детей в 1942 году. Большую роль в увековечении памяти детей - блокадников и земляков, погибших в боях за Ленинград, сыграли ученики и

педагоги Боровлянской школы, общественные деятели Екатерина Анатольевна Березикова и Ольга Николаевна Куракина. Именно они воодушевили жителей Троицкого района идеей, в течение многих лет они вели переписку, собирали архивные данные о пребывании детей в Боровлянке. В акции «Зажгите свечи в нашу память» участвовало более трёх тысяч жителей Троицкого района и Алтайского края, был создан школьный музей, который постоянно пополняется новыми экспонатами из Петербурга. В Боровлянку часто приезжают блокадники, представители общественных организаций края, школьники, туристы из многих регионов России.

**А.С. Прокопьев с блокадницей
Н.А. Ломакиной**

В 2016 году возложил цветы к памятнику депутат Государственной Думы РФ А.С. Прокопьев, который поделился своими впечатлениями: «Трудно описать словами те страдания, которые выпали на долю этих детей. Моей дочери три года, и мне страшно представить, через что пришлось пройти ее ровесникам в то время: голод, холод, болезни. Это нечеловеческие испытания даже для взрослых». В завершение встречи Александр Сергеевич передал билеты на самолёт в Петербург учителю О.Г. Хлюст и ученице Анне Анисимовой, которые приняли участие в Международной конференции, посвящённой памяти жителей блокадного Ленинграда. Помимо других гостей, Боровлянка ежегодно принимает молодежные делегации во главе с автором проекта «Везде и всюду ленинградцы: Петербург – Ленинград – Боровлянка», членом Молодежной коллегии Санкт-Петербурга, Еленой Юрьевной Сафиной. На таких встречах присутствуют представители молодежных объединений и блокадники Алтайского края. Акция «Зажгите свечи в нашу память» проводится более 10 лет, в ходе которой был установлен не только памятник, но и издана книга о ленинградских детях в годы ВОВ. В Боровлянском школьном музее оформлены экспозиции об участниках битвы за Ленинград.

В 2020 году в нашем селе состоится открытие мемориала Воинской славы, в создании которого активное участие приняли глава Боровлянского сельсовета Владимир Егорович Фомин, директор Боровлянского лесхоза Юрий Дмитриевич Скорых и предприниматель Николай Семёнович Уманчук. Значимую материальную помощь оказал житель блокадного Ленинграда Олег Николаевич Низовский, эвакуированный в с. Боровлянку в 1942 году в числе воспитанников детского дома №3.

*Ольга Хлюст
с. Боровлянка*

ГОРОД НЕ СДАЛСЯ

Я был мобилизован на фронт 23 июня 1941 года. Боевой путь прошёл командиром на Юго - Западном и Ленинградском фронтах, был тяжело ранен и контужен. В моей памяти навсегда останутся бойцы, мужественно оборонявшие город Ленинград, многие из которых погибли. Особенно запомнился мне боец Васильев, который, рискуя своей жизнью, помог в ликвидации неразорвавшегося снаряда, упавшего около полевой кухни нашего подразделения. Из - за этого снаряда трое суток солдаты сидели на сухом пайке, сапёры никак не могли подобраться к этому снаряду: фашисты вели прицельный огонь днём и ночью. Рядовой Васильев подполз к снаряду, осторожно очистил его от земли, обхватил руками и, прижав его к груди, отнёс подальше от наших окопов. Снаряд весил более 30 килограммов, но наш храбрец в полный рост нёс смертельную ношу в сторону фашистов, которые от недоумения даже прекратили стрельбу. Он бережно поставил снаряд на пенёк, вытер пот с лица и тогда уже перебежками вернулся обратно. Через несколько минут снаряд был взорван сапёрами, а комиссар полка, пожав руку бойцу, спросил: «О чём же ты думал, когда обнял снаряд?» «А ни о чём, просто надоело сухари жевать всухомятку», – смущённо ответил он. За этот подвиг Анатолий Васильев был награждён орденом Красной Звезды.

Мне приходилось возглавлять колонны машин, перевозивших грузы и людей по Дороге жизни. Тогда мне было 29 лет. Командуя автотранспортным взводом 71 - ого дорожного полка, я всегда ехал впереди. Во взвод набирались только опытные водители, крепкие и бесстрашные. Случалось, что лёд не выдерживал, и машины одна за другой уходили под воду. Поэтому все движения были отработаны до автоматизма: едешь в машине без дверки с водительской стороны, правая нога – на педали газа, левая нога – на подножке, чтобы в случае чего можно было выскочить. Ехали след в след, соблюдая дистанцию, а регулировщики указывали направление.

Дорога жизни была единственным спасением блокированного Ленинграда, поэтому вражеские самолёты старались уничтожить эту дорогу, но водители верили, что наши зенитные батареи не пропустят врага, и исполняли свой долг, не думая о смерти. Однажды мы везли продовольствие и медикаменты в Ленинград, и вдруг подо мной резко оборвалась дорога, но я успел оттолкнуться от подножки и выскочить кувырком из кабины. Опомнился я уже по пояс в воде, держась руками за ледяную кромку, а моя машина вместе с грузом в считанные секунды ушла на дно. Но и на этот раз бойцы моего взвода доставили нужный груз в город, а обратно вывезли эвакуированных детей и раненых солдат. В этой страшной мясорубке погибло много защитников с Алтая и, в частности, из Троицкого района. Вечная им слава и память.

*Павел Добрынин
с.Троицкое*

ДЕТИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Перед блокадой в городе проживало более 400 тысяч детей. Когда началась война, их постарались эвакуировать, но всех детей

вывезти не успели, поэтому перед блокадой в городе оставалось очень много детских домов, куда определяли оставшихся без родителей ребятишек. Несмотря на тяжёлые условия, школьники регулярно посещали занятия: это был главный подвиг юных ленинградцев. Тридцать девять ленинградских школ работали без перерыва даже в самые холодные месяцы. Это было невероятно трудно из-за морозов и голода. После уроков пионеры осуществляли сбор папирос, мыла, карандашей, блокнотов для бойцов Ленинградского фронта, а весной у школьников начиналась «огородная жизнь»: они выращивали овощи для школьных столовых и госпиталей. Ленинградские дети совершали подвиг, выживая в нечеловеческих условиях блокадного города.

Примером такого мужества служит жизнь одиннадцатилетней школьницы Тани Савичевой, которая ежедневно в полуобморочном состоянии делала записи в тетрадке коченеющими от холода пальцами. Всего 42 строчки этого

дневника послужили главным обвинением фашизма на Нюрнбергском процессе. «Савичевы умерли. Умерли все. Осталась одна Таня», – последняя запись умирающей девочки. Из дневника Тани Савичевой весь мир узнал о страшной трагедии: на глазах Тани погибли от голода бабушка, мама, брат, сестра, дяди. Когда после прорыва блокады началась эвакуация детей, девочку удалось вывезти на «Большую землю». Врачи боролись за её жизнь, но медицинская помощь пришла слишком поздно: Таня умерла от истощения.

Дневник Тани Савичевой

Время возвышает образ Тани

И ее доподлинный дневник.

Над любимыми в мире дневниками
Он восходит, как звезда, с руки,
И гласят о жизненном накале
Сорок две святых его строки.
В каждом слове емкость телеграммы,
Глубь подтекста, ключ к людской судьбе,
Свет души, простой и многогранной,
И почти молчанье о себе.
Это смертный приговор убийцам
В тишине Нюрнбергского суда.
Это – боль, которая клубится,
Это – сердце, что летит сюда.
Время удлиняет расстоянье
Между всеми нами и тобой.
Встань пред миром, Савичева Таня,
Со своей невысказанной судьбой!
Пусть из поколения в поколение
Эстафетно шествует она,
Пусть живет, не ведая старения,
И гласит про наши времена!

*Сергей Смирнов
г. Ленинград*

Пусть голосуют дети

Я в госпитале мальчика видала.
При нем снаряд убил сестру и мать.
Ему ж по локоть руки оторвало,
А мальчику в то время было пять.
Он музыке учился, он старался.
Любил ловить зеленый круглый мяч...
И вот лежал — и застонать боялся.
Он знал уже: в бою постыден плач.
Лежал тихонько на солдатской койке,
Обрубки рук вдоль тела протянув...
О, детская невысказанная стойкость!
Проклятье разжигающим войну!

Проклятье тем, кто там, за океаном,
За бомбовозом строит бомбовоз,
И ждет невыплаканных детских слез,
И детям мира вновь готовит раны.
О, сколько их, безногих и безруких!
Как гулко в черствую кору земли,
Не походя на все земные звуки,
Стучат коротенькие костыли.
И я хочу, чтоб, не простив обиды,
Везде, где люди защищают мир,
Являлись маленькие инвалиды,
Как равные с храбрейшими людьми.
Пусть ветеран, которому от рода
Двенадцать лет, когда замрут вокруг,
За прочный мир и счастье народов
Подымет ввысь обрубки детских рук.
Пусть уличит истерзанное детство
Тех, кто войну готовит, навсегда,
Чтоб некуда им больше было деться
От нашего грядущего суда.

*Ольга Берггольц
г. Ленинград*

Память героям

Стела взметнулась в лазурную высь.
Бронзовый воин стоит величаво.
Сколько их здесь? Посмотри, оглянись!
Им вечная память и вечная слава!
Россия большая. Посмотришь – везде
Памятники, бюсты из бронзы и мрамора,
Величавые, строгие, царяпин – нигде,
Кажется, только что открытые заново.
Бронзовый воин стоит на граните,
Взгляд его добрый, миру открытый.
Герои войны, вы повсюду стоите!
Люди живые, вы их помяните!
Вспомните вы детей Ленинграда,

Страшные годы военной блокады,
Память о них в наших душах живёт,
Им вечная слава и вечный почёт!

*Всеволод Митинский
с. Троицкое*

Я ВЫЖИЛА, ЧТОБЫ ЖИТЬ

Я родилась в Ленинграде в 1925 году в семье рабочего типографии Семёнова Федота Николаевича. В июне 1941 года я жила с родными на даче, когда пришло страшное известие – война! Через неделю мы были в родном и в то же время чужом Ленинграде: окна

заклеены бумагой крест-накрест, по улицам идут войска. Отец и брат сразу ушли в народное ополчение. Жителей города, в числе которых была я и мои подруги, послали рыть окопы для укрепления обороны Пскова. В дороге налетели немецкие самолеты, и один эшелон был разбит. Когда родные узнали об обстреле, то искали меня по всем больницам и моргам Ленинграда. К счастью, я не погибла, так как была во втором эшелоне. Жили мы на Васильевском

острове, где располагалось много заводов. На Неве стояли корабли, и немцы засылали диверсантов, которые ракетами указывали на то место, которое нужно было обстреливать и бомбить. Каждую ночь мы тушили эти зажигательные бомбы. Это было очень страшно! В квартире вместе с нами жили бежавшие от немцев тетя и двоюродные сестры. Электричество, воду и отопление отключили. Мы с мамой за несколько пачек папирос выменяли на рынке железную печурку, на которой варили столярный клей и поджаривали на олифе 125 граммов блокадного хлеба. А еще пили чай, который готовили из земли, пропитанной сахаром, собранной на месте сожжённых Бадаевских складов. Страшное это было время: люди умирали тысячами. Умерли и мои родственники: крестная, сестра, тетя, а 24 февраля 1942 года умерла моя мама. Похоронить ее я не могла и четыре ночи после смерти еще спала с ней в одной холод-

ной постели. А затем мы с двоюродной сестрой зашили окоченевшее тело мамы в простыню и на санках повезли ее в морг – сарай, набитый трупами. Места там не было, и мужчина, принимавший покойников, сказал: «Лезь наверх, а мы тебе ее подадим». Я вскарабкалась по мерзлым телам и втянула маму наверх. Ни страха, ни отвращения у меня не было в тот момент, только один холод внутри. Во время войны я вела дневник, где писала о событиях того времени: «Сегодня сократили норму хлеба на карточки. Я получила 125 граммов на день. За водой приходится ходить на Неву. Вчера тушили зажигательные бомбы на крыше дома, было страшно, но мы с подружкой делали всё так, как нас учили». Мы спасали людей от снарядов, но не от голода. Через месяц после смерти мамы меня взяли вместо неё санитаркой в ясли №11 Свердловского района. С этого времени я состояла на казарменном положении, работала в коклюшной группе малолетних детей, где находился и сын депутата Верховного Совета, офицера Селезнёва. Все детки очень боялись ночных бомбёжек, вскакивали с постелей и плакали, обхватив меня своими ручонками. Я тоже вместе с ними плакала, но старалась успокоить их сказками и песнями. По всему городу после ночных налётов валялось огромное количество трупов, которые похоронная команда не успевала собрать за весь день. Трупы лежали и в квартирах по несколько дней. Было много и таких случаев, когда умирала мать, а малолетние дети с плачем ползали по ней. Этих детей собирали по всему городу и определяли в дома малюток. В каждом районе города Ленинграда было создано несколько детских домов, которые было решено эвакуировать на восток. Так я вместе с персоналом дома малютки №3 попала в село Боровлянка Алтайского края. Нянечками тогда работали несовершеннолетние девчонки, кроме старшей сестры и повара с нами была врач Демьяненко Екатерина Александровна. В пути мы находились целый месяц, с 25 сентября по 23 октября 1942 года. Многие дети, обессиленные блокадной жизнью, болезнями и долгой дорогой, умирали в вагоне. Детей увозили от войны с надеждой спасти, а получалось наоборот. Отправляли в основном слабеньких здоровьем детей, которые начали болеть ещё в блокадном городе. На коже у них появилось рожистое воспаление, гнойные болячки покрывали истощённые

тела малюток. В Боровлянку мы прибыли совершенно измотанные и обессиленные от нехватки воды, хлеба, лекарств и нормальных человеческих условий. Когда открыли двери вагона, сельские женщины заголосили при виде измождённых детей. Детдом №3 разместили по улице Ленина 1 в бывшем клубе, где соорудили из досок нары, а в центре помещения установили буржуйки для отопления. Было очень холодно, не согревали детей матрацы и одеяла, что мы привезли с собой. Не успели мы обжиться, как молодых воспитатель и нянечек послали на очистку сахарной свёклы в соседнее село. Чтобы прокормиться в ту зиму, мы ходили по деревне и просили у жителей милостыню. Местные жители помогали картошкой, капустой, тыквой, свёклой, грибами, травами. Вместе со мной ходили воспитательницы Егорова Дуся и сёстры Алексашины, санитарка Смирнова Граня и повар тётя Настя. Однако все наши усилия были напрасными: дети угасали с каждым днём. У них заболели языки, которые покрылись язвами, так что детки не ели даже ту скудную пищу, которую мы добывали для них. Поэтому каждый день умирали наши малютки, которых хоронили в ящиках на сельском кладбище. В июле 1943 года оставшихся в живых деток определили в Петровский дом малюток, а затем вывезли в Барнаул. Я же осталась жить в селе Боровлянка, где работала секретарём учебной части в ремесленном училище, окончила снайперские курсы, но на фронт меня не взяли по состоянию здоровья. В 1944 году вышла замуж за Крахмалёва Леонида Андреевича, участника ВОВ, потерявшего на фронте обе ноги. Вся последующая моя жизнь связана с Боровлянкой, где родились мои дети и внуки. Память вновь и вновь возвращает меня в те суровые годы, когда приходилось думать не о себе, а о маленьких детях. Война смешала все мои планы: я так любила петь, и знакомая артистка Мариинского театра готовила меня для поступления в консерваторию, но эту мечту уничтожила война. После войны в Ленинграде отыскался мой отец, к нему мы вместе с мужем уехали в 1947 году, но через некоторое время снова вернулись в Боровлянку

*Наталья Крахмалёва-Федотова
с. Боровлянка*

СЫН БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Когда началась война, мне исполнилось всего два года. Мои родители, как и все ленинградцы, сражались за родной город: отец – на фронте, а мать работала на сооружении оборонительных укреплений. После смерти матери я был определен в дом малютки №3 Петроградского района, который был эвакуирован в с. Боровлянка Алтайского края 11 сентября 1942 года. Вместе со мной было эвакуировано 44 ребёнка, в их числе: Бунакова Ирина 7.01.40г., Бандурин Владимир 26.06.40г., Воронцов Валентин 1941г., Суровцева Любовь 4.10.34г., Черкесова Светлана 16.02.40г., Фарсанов Евгений 4.04.34г.,

Шкулев Виктор 15.08.39г., Шкулева Валентина 3.10.38г., Бакова Галина 18.08.37г., Фёдоров Виктор 24.12.37г., Прокофьев Александр 28.03.39г., Павлов Владимир 4.03.39г., Макаренко Любовь 3.03.39г., Фасун Геннадий 6.01.39г., Жирнаярова Зоя 17.09.39г., Кострова Люся 22.07.38г., Агафонов Владимир 14.01.38г., Мельников Виктор, Цатемьев Юрий 7.01.41г. Так я оказался в глухой сибирской деревне вместе с такими же несчастными и больными ленинградскими детками.

В 1943 году нас из Боровлянки сначала перевели в Петровский дом малютки, а затем в Клепичихинский детдом Поспелихинского района Алтайского края. В 1946 году я был определён в Каменский детский дом №3, а в 1949 году переведён в Каменский детдом №1 г. Камень - на - Оби. В четырнадцатилетнем возрасте после расформирования детского дома я был взят в приёмную семью в селе Толстовское Каменского района, где выучился на тракториста и работал в совхозе «Октябрь». В 1962 году был призван в армию, служил в ракетных войсках на Дальнем Востоке. Демобилизовавшись в конце 1965 года, я возвратился в Ленинград и предпринял попытку найти родственников, но никого в живых не обнаружил. Долгие годы работал в отряде военизированной охраны Министерства финансов СССР, осуществлявшем охрану Ленинградской бумажной фабрики «Гознак», где с 1975 по 2001 годы

работал на фабрике «Гознак» слесарем - монтажником. Отмечен медалью «Житель блокадного Ленинграда». Сейчас я проживаю в Петербурге и помогаю в воспитании внуков. Годы сиротства остались в моей памяти навсегда. Будь прокляты война и все, кто её разжигает: ведь война отняла наше детство, покалечила судьбы миллионов советских людей.

Олег Низовский
г. Санкт-Петербург

ИХ ХОРОНИЛИ КАК СОЛДАТ, ТОЛЬКО БЕЗ САЛЮТА.

Во время любой войны страдают в первую очередь дети. Каждая семья испытала на себе всю тяжесть военного лихолетья. Не обошла война и нашу семью. В 1942 году мне исполнилось шесть лет, когда мы вместе с мамой и младшим братом Славой переехали в домик по улице Кирова, который находился на берегу озера. Время было голодное, продукты выдавали по карточкам, которые отоваривались в магазине. Хлеба на семью выдавали до 400 граммов, иногда детям давали по 1 сдобе. Однажды от мамы я услышала, что в село привезли детей из Ленинграда. В селе все только и говорили об этих детях, поэтому, получив по карточкам хлеб, я пошла не домой, а к бараку, где поселили детдомовцев. Детки были все худые и бледные, остриженные головки еле держались на длинных шейках. Они сидели на подоконниках в рубашечках, маленькие и беззащитные, протягивая ручки к прохожим. Многие женщины отламывали куски хлеба от своего пайка и раздавали деткам. Я тоже отдала им весь хлеб, а домой пришла с пустыми руками. Мама не стала меня ругать, заплакала и сказала: «Ты немного хлеба брату Стаське оставляй на соску». Продавец тётя Тоня Сиротина, узнав, что я подкармливаю ленинградских детишек, стала мне давать лишнюю плюшку. Но она посоветовала мне раздавать хлеб голодным детям по очереди: сегодня одним — завтра другим. Так я и поступала, только домой всё равно приходила без хлеба, так что брат иногда оставался голодный, как и мы с мамой. Так продолжалось несколько дней, пока мама сама не стала

ходить в магазин. Она отрезала кусок хлеба, клала три - четыре рыбки, несколько картошек и посылала меня к малюткам. Я с радостью бежала к ним и видела, с каким нетерпением они меня ждали у окна, а потом многие дети уже и не ждали. Однажды я бежала в детдом с картофельными драниками, чтобы накормить своих друзей, и увидела большую повозку, которой управлял детдомовский сторож - татарин Абдурахман. Он плохо говорил по - русски, но я поняла его речь:

– Твоя друг Бог взял.

Я со слезами прибежала домой к маме:

– Мама, какой Бог взял детей к себе?

Мама прижала меня к себе и заплакала:

– Бедные детки и их родители, сколько страданий выпало на их долю. Будь проклята война и тот, кто её придумал!

Ещё несколько раз я встречала этого возчика и повозку с ящиками, спрашивала:

– Дядя, сколько?

– Много. Шесть, и вчера шесть. Ты не ходи. Не надо, мама будет плакать, – со слезами на глазах ответил он.

Ночью я заболела, и мама больше не пускала меня к бараку, опасаясь за моё здоровье. Но я всё равно навещала своих подопечных, хотя среди них многих своих друзей уже не видела. В нашем посёлке нашлись сердобольные женщины, которые решили взять на воспитание ленинградских ребятишек. Это сделали семьи Паксеевых и Филоновых, которые удочерили девочек Нину и Лору. В 1950 году в село приезжала настоящая мать Лоры, но тётя Тася Филонова не отдала свою приёмную дочь, настроив её против родной матери. Для всех жителей Боровлянки это событие оставило неприятный осадок, многие осуждали Филоновых, некоторые защищали мать Лоры, которая потеряла не только мужа, но и лишилась дочери. Ерохин Сергей усыновил мальчика, воспитал его, дал образование. Он сейчас живет в Санкт - Петербурге. Прошло много десятилетий после войны, но она всё ещё стучится в наши сердца, напоминая о страшной трагедии детей блокадного Ленинграда. Жители нашего села никогда не забывают детей - блокадников: ежегодно на старом Боровлянском кладбище школьники облаго-

раживают могилки похороненных деток, возлагают цветы. Часто можно увидеть здесь Смирнову Нину Андреевну и Крахмалёву Наталью Федотовну, жителей блокадного Ленинграда, которые испытали весь ужас блокады, но выжили и помогают в сборе материала о ленинградских детях.

*Клавдия Никулина
с. Боровлянка*

ДОЧЬ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Я, Ломакина Нина, родилась в 1939 году в Ленинграде. До войны у меня была семья: мама, папа, братья и сёстры. Наверное, я была счастливой, потому что жила в таком чудесном городе на Неве. В одно мгновение ничего этого не стало: началась война, город Ленинград был блокирован, родители погибли, а я оказалась в детском доме малютки №30 Свердловского района. Я не знаю, как умерли мои родители, возможно, отец погиб на фронте, а мать умерла от голода, отдавая мне последний кусок хлеба. В октябре 1942 года эвакуированных детей привезли в село Боровлянка Алтайского края. Нас поселили в старом бараке по улице Советской. Сейчас на этом месте находится двухэтажное здание, где разместились леспромхозовская контора и столовая. В холодном бараке были сооружены нары, где мы спали. Помню девочек старше меня, которые играли со мной, а вот мальчиков было совсем мало. Мы постоянно ждали своих мам и надеялись, что они нас обязательно найдут. Все дети болели, поэтому всё время лежали в постели. Питание было скудное, наши воспитатели ходили по дворам, выпрашивая для нас продукты питания.

Жители не отказывали, помогали, но во многих семьях дети тоже голодали, ведь война не щадила никого. Я плохо помню события той жизни, но мне рассказывали, что я постоянно называла имя Андрюша. Кто он, я не знаю, может быть, так звали моего отца

или брата. Впоследствии в свидетельстве о рождении записали отчество Андреевна в надежде, что со временем отыщутся родственники из Ленинграда. Однажды к нам пришли две женщины, среди которых была Паксеева Анна Тихоновна. Она была одета в белую кофточку с голубыми васильками и чёрную юбку. У неё была длинная коса. Сначала Анна Тихоновна подходила к старшим девочкам и говорила: «Я ваша мама». Но девочки помнили своих мам и отвечали ей, что она не их мама. Потом Анна Тихоновна подошла ко мне и сказала: «Вот моя дочка, как долго я тебя искала». Я очень обрадовалась, что наконец-то мама меня нашла, бросилась к ней, и мы обе заплакали. Новая мама обняла меня, и я больше не захотела оставаться в детдоме. Меня одели в чёрное платье и обули в ботинки не по размеру, тогда все наши так ходили. Как только приёмная мама привела меня в свой дом, она сразу же на швейной машинке сшила для меня платьице из сатиновой наволочки, на ноги мои примерила какие-то туфельки, чему я была несказанно рада. С этого времени у меня был свой дом и своя семья, куда часто приходили мои детдомовские подружки. Мама Аня и её сестра Груня радушно их привечали, угощали варёной картошкой. Постепенно я стала привыкать к жизни в селе, но отношения с сельскими ребятами складывались трудно. Мне было обидно, и я часто плакала от такой несправедливости. Летом детский дом перевели в другое село, многие воспитатели и нянечки уехали вместе с детьми. 23 октября 1943 года все документы на удочерение были готовы, и я стала Паксеевой Ниной Андреевной. Приёмные родители обязались перед поселковым Советом воспитать меня до совершеннолетия по всем правилам закона и опеки, что благополучно выполнили. Впоследствии я вышла замуж за Смирнова Николая, получила профессию бухгалтера. Я воспитала дочерей Ольгу и Нину, которые подарили мне трех внуков, одну внучку и двух правнуков. В моей памяти часто всплывают картины проживания в детском доме, когда мы ходили с подружками на Комсомольское озеро, которое в данное время высохло и поросло травой. Когда я бываю на месте бывшего детского дома, то всегда плачу, потому что 88 деток похоронены на сельском кладбище, где я часто навещаю их могилки. Вечная им память и покой. Воспоминания о детстве и пребыва-

нии в детском доме предстают в моей памяти не в радужном цвете. Всё мною уже пережито, но это никогда не забудется. Я не знаю, кем бы я была, если бы не та проклятая война, наверное, счастливой и любимой. Я благодарна всем, кто помог мне выжить в те страшные годы, и желаю никогда не испытать ужасов военного лихолетья, что пришлось пережить детям блокадного Ленинграда.

*Нина Ломакина - Семёнова
с. Боровлянка*

Я ТОЖЕ ДОЧЬ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Я, Сидеева Наталия Ивановна, родилась в г. Ленинграде в 1938 году. До войны у меня была семья: мама, папа, сестрёнка. И родственников у нас было очень много. Война отняла всё моё детство. Мама умерла в блокаду в 1942 году, а мою сестру отправили в детский дом в Кемеровскую область. Меня в составе детдома малютки № 3 эвакуировали в с. Новая Боровлянка Алтайского края вместе с такими же несчастными и больными детьми, самому младшему ребёнку было всего один год. Хотя мне было всего четыре года, но я хорошо помню, как меня выхаживали от дистрофии воспитатели и врачи. Из Боровлянки меня перевели в Петровский дом малюток, затем я оказалась в Павловском дошкольном детдоме, а в 1947 году меня перевели в Озеро-Красиловский детский дом, после расформирования я оказалась в Б - Ключевском детском доме Косихинского района. Здесь я окончила десять классов и уехала в г. Новосибирск, где меня приютили мои детдомовские подружки. В 1959 году меня разыскал мой отец, у меня нашлась и родная сестра, тетя Шура и двоюродные братья. Несколько раз я ездила в Ленинград, но жить осталась в родном Новосибирске, где у меня много друзей - блокадников. Основой моей жизни являются сын и внучата. По программе «Жильё ветеранам» я получила новую квартиру. В нашем городе есть памятник детям - блокадникам, у которого часто собираются ленинградские

блокадники. Мы очень рады, что в Боровлянке открылся памятник детям блокадного Ленинграда. Большое спасибо и низкий поклон всем, кто сделал такое благое дело. Если бы не война, у меня была бы совсем другая жизнь. Пусть наши дети и внуки никогда не узнают, что такое война.

*Наталья Сидяева-Золотарёва
г. Новосибирск*

ЭТО ПАМЯТЬ СТУЧИТСЯ В НАШИ СЕРДЦА

Блокадный Ленинград. Ты острой болью вонзился в сердца тех, кто дыханием своим, своей жизнью согревал тебя, давал надежду и вселял веру. И ты воскрес, поднялся из пепла. Но помнишь ли ты детей своих, младенцев горьких, что тысячами грузили в вагоны и отправляли под присмотром юных нянь подальше, в самую глубь России? Детей хотели спасти, но они, обессиленные и измождённые блокадной жизнью, умирали сотнями в многодневной дороге в Сибирь и на Дальний Восток. Поэтому, когда детей-малюток привезли в Боровлянку Троицкого района, они продолжали умирать. Питание было скудным, местные жители выручали картошкой, капустой, тыквой, отрывали от себя последнюю краюшку хлеба, но спасти детей так и не смогли. Хоронили их на местном кладбище. 88 могилки долгие десятилетия напоминают боровлянкам о войне убедительнее всяких газет и призывов. И пришёл час: сельский библиотекарь Березикова Екатерина Анатольевна поняла, что именно она должна сделать первый шаг по увековечению памяти детей блокадного Ленинграда. Являясь депутатом районного Совета, она объединила вокруг себя истинных энтузиастов, которые по крупицам собирали сведения о похороненных и оставшихся в живых блокадниках. Её помощницей во всех делах была Куракина Ольга Николаевна, с которой они не только составили списки умерших детей, но записали воспоминания очевидцев того времени: Крахмалёвой Н.Ф., Ломакиной-Смирновой Н.А., Субботиной К.Ф.

На старом кладбище притулились ряды холмиков с покосившимися безымянными крестами, которые земля постепенно прибирает в

свои кладовые. Холмики всё больше становятся впадинами: продолговатые, они тянутся чередой от вершины холма к самому обрыву, бывшему когда-то берегом озера.

Именно здесь, на месте захоронения, в 2000 году был воздвигнут и освящён крест, который изготовили при активном содействии главы сельсовета Фомина Владимира Егоровича жители: Легостаев Юрий, Кирин Владимир, Ташматов Владимир, Уманчук Михаил. Настоятель Свято-Троицкой церкви называет все имена погребённых под сенью православного креста детей-блокадников. Порывы ветра разносят

слова молитвы и имена усопших: Вася, Вера, Коля, Маша... 88 имён детей в возрасте от полутора до пяти лет.

*Тамара Елизарьева
с. Троицкое*

СЫНОК ВАНЮШКА

Мороз сковал засыпанные снегом берёзы и сосны. На деревню тихо опустилась ночь. Всё в посёлке заснуло, не спится только деду Архипу. Он, как старая сосна, врос корнями в этот лесной посёлок: здесь родился, здесь женился, отсюда проводил на фронт единственного сына, о смерти которого недавно получил страшную похоронку. Тётка Дарья, так звали его жену, от такого известия слегла тогда на месяц. Только неделю назад стала медленно передвигаться по избе, бесцельно переставляя нехитрую посуду. Она подолгу застывала на одном месте, сидела у печи, в которой громко потрескивали горящие поленья. Дед Архип свою Дарью старался всячески поддержать: то чаем напоит её, то еду какую сварит на скорую руку, то разговорами займёт. Заваривая в кособоком чайнике большую горсть шиповника, он вдруг спросил:

– Дарьюшка, а грибы-то сухие в чулане были. Не помнишь где?

– Да там, в туесе на полке. Грибов что ли захотел?

Дед немного помолчал, а потом в раздумье сказал:

– Да детишки там из Питера. Прошлой неделей привезли. Отнести чуток. Уж больно худые да болезные они.

Тётка Дарья подняла глаза, первый раз за весь месяц осмысленно спросила:

– И много их там?

– Да, кажись, человек тридцать, – сокрушённо махнул рукой дед Архип, и вдруг замолк. Не сказал жене, что, проходя мимо барака, где проживали ленинградские детки, вдруг остановился. Что-то его остановило, а что он сам себе так и не мог объяснить. Повернув голову в сторону барака, он увидел в окне мальчонку лет четырёх, который сидел на подоконнике и чертил незамысловатые знаки на замёрзшем стекле. Увидев деда с густыми бровями, в лохматой шапке, малыш испугался и отшатнулся от окна, но, стрельнув в Архипа любопытным взглядом, вновь устоял в отогретые слабым дыханием кусочки стекла. Долго ещё дед Архип оглядывался на барачное окно с прильнувшим к стеклу малышом, а придя домой, долго не заходил в избу, бродил по двору, зачем-то поправляя поленницу дров, потом пошатал прогнившие насквозь ворота сарая. Всё бы надо подремонтировать, да зачем? Коровы-то всё равно нет. Ночью деду Архипу не спалось, ворочался с боку на бок, но заснуть так и не смог: всё глазёнки эти в окне видел. Утром, растопив наскоро печь, вышел, сутулясь, в сени, где раскрыл старый деревянный ларь, куда на зиму ссыпали клюкву. Не уродилась нынче клюковка: на самом дне она рассыпана тонким слоем. Потревожил её рукой, и она откликнулась, потекла хрустальным звоном между пальцев. Сыну берегли. Любил он кисель из клюквы, густой, тягучий. Горестно вздохнув, дед Архип торопливо, но бережно, чтобы не рассыпать ни одной ягодки, насыпал несколько больших горстей на тряпицу, завязал туго узлом и спрятал за пазуху. Затем он закрыл ларь и, плотно притворив дверь амбара, вышел на морозный воздух. Быстро шёл дед Архип по безлюдной сельской улице к барачу, где поселили детей из блокадного Ленинграда. Подойдя к детдому, он долго не мог решиться войти, топтался на крыльце, по-стариковски кряхтел, потом резко открыл дверь и вошёл в полутёмный коридор.

– Чего тебе, дедушка Архип? — спросила Глашка, бойкая соседская девчонка лет пятнадцати, работавшая нянечкой в младшей группе детей. Дед замямлил, преступая с ноги на ногу:

– Да вот, так сказать детишкам, вот принёс, киселя наварите... Клюква-то она пользительная...

И не найдя больше чего сказать, рванул к двери, как бы боясь, что его остановят и вернут ему его клюкву.

– Деду, а ты чей? — вдруг услышал он позади себя охрипший, но по-детски звонкий голосок. Обернувшись, он увидел вчерашние бойкие глаза и чуть не осел на пол, вовремя за косяк схватился:

– А ты чей будешь, малец?— спросил дед малыша, унимая в голосе дрожь, а сам боялся в его глаза смотреть: сыновы глаза-то были!

– Я папкин и мамкин буду,- бойко отчеканил мальчик.

– А где же они у тебя, сынок?

– Мамка померла, а папка фашистов бьёт!

Тут только разглядел дед Архип мальчика. Волосы светлые, коротким ёжиком торчат, ручонки тонкие, из коротенькой рубашонки плечико выставилось. Вынул старик из кармана старого тулупа кусочек сахара, ещё довоенного, пожелтевшего уже, и протянул детдомовцу:

– А зовут-то как тебя, сынок?

– Ваней зовут, — быстро схватил он сахар, и, сверкнув голодными глазёнками, проговорил:

– Я Катьке дам полизать и Петеньке, они очень болеют.— Хотел уже бежать, но остановился и с надеждой в голосе и глазах спросил: Деду, а ты ещё придёшь?

– Приду, Ванечка, приду, родной! — сквозь охватившее волнение прошептал дед. Опомнился только у магазина, и ещё долго ему слышался голосок мальчика: «Деду, а ты придёшь?»

Через несколько дней дед Архип, проходя мимо кладбища, увидел баб, склонившихся над телегой, где в ряд стояли четыре гробика. На негнущихся ногах подошёл он к телеге, рукой смахнул

набежавшую слезу. Марья, жена Петра, прошептала сквозь слёзы: «Отмучились, сердечные, крошки ведь совсем, сердце заходится, глядя на них болезных. Эх, война проклятушая, когда же она кончится?»

– Кончится, Марья, кончится! Побьём мы окаянных фашистов,– ответил с уверенностью Пётр и с размаху вогнал лопату в свежий бугор комковатой земли. А тётка Марья продолжала голосить, приговаривая:

– Это Полечка, ей три годика всего-о-о! А это Зиночка, до полутора годиков не дожила. А это Славик. Сегодня ночью умер родимый, всё мамку звал.

Марья покачнулась и села в сугроб, продолжая голосить над похороненными детками, которых некому было утешить в их последнюю минуту жизни. На следующее утро дед Архип долго лежал на печи, слушая стук старых ходиков на стене. Дарья уже гремела ухватом, вытаскивая из печки чугунок с картошкой. Архип поднялся, повозился с пуговицами на рубахе, сел у окна.

– Мороз опять,– сказал, лишь бы что-то сказать.

– Я тут, Архип, картошки в котомку насыпала... Ты, слышь-ка, снеси детишкам-то, – тётка Дарья показала ему на приготовленную картошку, перекрестилась перед иконой и тихо присела на скамейку рядом с Архипом. Старик в большом волнении направился к бараку, навстречу к нему выбежал Ваня, сверкая глазёнками:

– Деду, ты ко мне опять пришёл?

– К тебе, милый, к тебе, родной!— Он погладил малыша по белёсой головке, и слёзы закипели на его глазах, скатываясь крупными горошинами по лицу. И вдруг он сурово спросил:

– Глафира, а кто тут у вас главный?

– Зачем тебе, дедушка, главный?

– Надо!— сурово ответил он, не мигая глазами.

Долго беседовал дед Архип с директором детдома малютки Полиной Сергеевной. Затем он вышел из комнаты, прижав руки к груди, а следом за ним вышла и Полина Сергеевна:

– Глаша, одень Ванечку. Он вместе с Архипом Даниловичем пойдёт. Как запрос получим, я вам передам. Всего вам хорошего, добрый человек! Спасибо вам! Забыв о больной спине, шёл Архип

с Ваней за руку по улице, по сторонам не смотрел. Мальчик доверчиво прижимался к нему:

– Деду, а мы куда идём?

– Домой, Ванюша, домой, родной! Сейчас тебя баба Даша горячей кашей накормит,— отвечал дед, ласково обнимая малыша, а, зайдя в избу, сказал:

– Ну вот, Дарья, это Ваня. Сыном нам будет.

Тётка Дарья всплеснула удивлённо руками, тихо осела на лавку. Посапывает во сне мальчик, из блокадного Ленинграда малыш, навсегда нашедший свой дом в занесённой снегом Боровлянке. И ещё долго сидели у кровати две сторбленные фигуры, смахивая с пожелтевших щёк скупые стариковские слёзы, дед Архип и тётка Дарья.

*Ольга Хлюст
с. Боровлянка*

НЕГАСИМЫЙ ОГОНЬ ПАМЯТИ

Самая нетленная память – это память, которая, переходя от поколения к поколению, вечно будет гореть в сердце народном. Бывают события, даже весьма значительные для своего времени, которые по истечении десятилетий стираются из памяти людей и становятся достоянием архивных хранилищ. Но есть события, значение которых не тускнеет от неумолимого бега времени. К таким событиям относится победа советского народа в ВОВ. Память об этом событии не подвластна времени: бережно хранимая и предаваемая от поколения к поколению, она переживает десятилетия. Память о прошлом. Нет, это не просто свойство человеческого сознания, его способность сохранять слёзы минувших дней. Память – это связующее звено между прошлым, настоящим и будущим. По всей стране в граните, в бронзе, в металле высятся памятники городам и сражениям, воинам и героям, партизанам, матерям и жёнам, кто на фронте и в тылу ковал священную Победу. А ещё в нашей стране воздвигнуты памятники детям войны, которые наравне с взрослыми мужественно переносили страшные тяготы военного лихолетья. Жители Боровлянки в годы войны снабжали фронт не только лесом и продуктами питания, но солдатами. Более 800 жи-

телей Боровлянки погибли в годы Великой Отечественной войны. Из семейства Таракановых ушли на фронт 8 человек, вернулся только один Александр, а его отец Степан и остальные родные погибли в боях за Родину. Боровлянцы помнят о подвиге своих земляков и делают всё, чтобы увековечить память о них. Сначала в центре села были установлены два деревянных памятника, посвященные борцам революции и подвигу земляков годы Великой Отечественной войны. Учащиеся Боровлянского ремесленного училища под руководством И.В. Сафронова в 1955 году поставили по проекту учителя Е.Ф. Кулаженкова первый памятник. В 1965 году к 20 - летию Победы был открыт мемориал Воинской Славы. Под руководством Крахмалёва Леонида Андреевича была проведена большая работа по увековечению памяти погибших воинов-земляков. Рабочий комитет Боровлянского ЛПХ во главе с А.В. Ивановым осуществил заказ памятника в Москве, откуда его привёз секретарь парткома А.Г. Рогачёв.

В 1975 году была воздвигнута величественная фигура воина-освободителя с ребёнком на руках. Это было знаменательное событие для всех жителей села, но особенно признательны были участники войны и родственники погибших, потому что высеченные на плитах фамилии лучше всяких слов подтверждали, что «никто не забыт и ничто не забыто». Право снять покрывало с фигуры воина - освободителя было предоставлено ветеранам войны Евсину Миха-

илу Михайловичу и Волкову Ивану Дмитриевичу. Огромная роль в сооружении памятников принадлежит главе сельского Совета Фомину Владимиру Егоровичу и рабочим Боровлянского ЛПХ, благодаря которым в 2005 году были установлены новые плиты с именами погибших земляков. Не остались в стороне жители Боровлянки и в увековечении памяти детей блокадного Ленинграда, эвакуированных в наше село, 88 малюток умерли и были похоронены на сельском кладбище. Все эти десятилетия активисты ведут сбор материала о детях - блокадниках. Благодаря депутату Е.А. Березиковой, социальному работнику Куракиной О.Н., учителям и ученикам Боровлянской школы были установлены не только списки детей - блокадников, но и в 2000 году был освящён православный крест на месте их захоронения. В 1911 году ученики и учителя задались целью создания памятника в честь детей блокадного Ленинграда. Под руководством учителя Хлюст Ольги Григорьевны в школе оформлены экспозиции в школьном музее о подвиге земляков в годы ВОВ, где представлен уникальный материал и о жизни детей - блокадников.

*Аза Евсина
с. Боровлянка*

« ВСПОМНИМ ВСЕХ ПОИМЕННО »

Под таким названием 23 октября 2012 года в Боровлянской средней школе под руководством В.М. Каркавиной состоялся круглый стол детей - блокадников. В зале собрались те, кто в суровую осень 1942 года малолетними детьми прибыл на Алтай из блокадного Ленинграда. Встречу открыл заместитель главы администрации Троицкого района В.М. Шаров: «Спасибо вам, дорогие ленинградцы, что приехали на открытие памятника. Вы на себе испытали ужас блокады, тридцатидневный переезд в нечеловеческих условиях до места назначения. Вы мужественно переносили суровые сибирские морозы, выжили и достойно прожили эти годы. Простите, что не смогли уберечь от смерти 88 детей, но боровлянцы сделали все, чтобы помочь несчастным деткам».

Референт губернатора Алтайского края Надежда Степановна Ремнёва рассказала о том, какой ценой досталась Победа жителям нашего региона. Она поблагодарила блокадников и жителей Троицкого района за их активную деятельность по увековечению памяти подвига ленинградцев: «Вашу жизнь можно приравнять по-

двигу солдат на фронте». Нашлось много хороших слов и у начальника управления Алтайского края по культуре и архивному делу Е.Е. Безруковой: «Ваш подвиг золотыми буквами вписан в летопись Великой Отечественной войны».

Никого не оставило равнодушным выступление Светланы Михайловны Ярыгиной, председателя общества «Житель блокадного Ленинграда»: «Сегодня знаковый день не только в истории Троицкого района, но и Алтайского края. Этот памятник воздвигнут не только в честь детей, похороненных в Боровлянке, но и в память всех детей военного времени, умерших от голода, расстрелянных и замученных фашистами. Это дань памяти всему советскому народу, победившему в ВОВ».

Участниками круглого стола были благочинный Северного округа протоиерей Анатолий и настоятель Свято-Троицкой церкви Александр Жгунов, которые поблагодарили блокадников за их подвиг и благословили всех на новые благородные дела по увековечению подвига нашего народа во имя мира на земле. Во всех выступлениях детей - блокадников звучала одна мысль: «Мы жили в своих семьях, с мамами и папами, были счастливыми и желанными, но война отняла все это. Алтай стал для нас малой родиной, где мы прожили всю жизнь, но душа наша всё равно рвётся в Ленинград, где покоятся наши родные и близкие. Пусть никогда не будет войн и горя сиротства».

С 2000 года реализуется проект «Зажги свечу» в Троицком районе и Алтайском крае, в результате которого был открыт не только памятник в с. Боровлянка, но и издана книга «Зажгите свечи в нашу память» при спонсорской поддержке депутата АКЗС А.Г. Хмуровича.

*Екатерина Березикова
с. Боровлянка*

Я ПОМНЮ ИХ ВСЕХ ПОИМЁННО

Петровский дом малютки был создан давным-давно. Ленточный бор, свежий воздух и близость железной дороги создавали хорошие условия для проживания детей-сирот. Поэтому в июле 1943 года детей-блокадников расформированных детских домов из Боровлянки перевели в Петровский детский дом. Сюда же были при-

везены и воспитанники Хайрюзовского детского дома, большинство из которых составляли калмыки, но были среди них и ленинградские дети. Я в те годы работала кладовщиком и воспитателем. В трёх группах вместе со мной работали посменно шесть воспитательниц. Дети нуждались в отдельном уходе, так как были очень ослаблены заболеваниями: почти у всех была дистрофия, цинга и рахит. Многие дети отказывались от еды, в основном лежали в постели, около них постоянно дежурили нянечки и медсестры: Мария Арсентьевна Гусельникова, Мария Фроловна Вяткина, Ядвига Антоновна Белоглазова и воспитательницы, в том числе Валентина Васильевна Свирина, все эти годы, как могли, спасали своих подопечных. Умерших детдомовцев хоронили на Петровском кладбище всех подряд: и калмыков, и блокадников и других сирот. После окончания войны стало жить легче: лучше стало снабжение питанием и лекарствами, одеждой и обувью. Прошло семьдесят лет с той поры, но я чётко помню лица этих ребятшек, какие они были больные и несчастные, как хотели, чтобы мамы и папы приехали за ними. Они и нас называли мамами, ходили к нам в гости и хотели остаться в наших семьях. В 1953 году детский дом был расформирован, детей распределили по детдомам Алтайского края, а здесь был открыт дом малютки. В 1964 году дом малютки закрыли, а помещение переоборудовали под туберкулёзную больницу.

Антоновна Белоглазова и воспитательницы, в том числе Валентина Васильевна Свирина, все эти годы, как могли, спасали своих подопечных. Умерших детдомовцев хоронили на Петровском кладбище всех подряд: и калмыков, и блокадников и других сирот. После окончания войны стало жить легче: лучше стало снабжение питанием и лекарствами, одеждой и обувью.

Прошло семьдесят лет с той поры, но я чётко помню лица этих ребятшек, какие они были больные и несчастные, как хотели, чтобы мамы и папы приехали за ними. Они и нас называли мамами, ходили к нам в гости и хотели остаться в наших семьях. В 1953 году детский дом был расформирован, детей распределили по детдомам Алтайского края, а здесь был открыт дом малютки. В 1964 году дом малютки закрыли, а помещение переоборудовали под туберкулёзную больницу.

*Александра Лукина
с. Петровка*

ЭТО ПАМЯТЬ СТУЧИТСЯ В МОЮ ДУШУ

Едва пробежав глазами первые строчки публикации корреспондента Анны Бодаговой в «Алтайской правде» о сооружении памятника в честь детей – блокадников в с. Боровлянка, я долго и горько плакала. Плакала о своей искалеченной судьбе, о том, что не помню лиц своих родителей, что живу без роду и племени, что

не знаю своего настоящего имени. При рождении меня нарекли Лией, а при удочерении меня стали называть Лилией. Я не могу вспомнить, как оказалась среди детей, эвакуированных в с. Боровлянка Алтайского края в 1942 году. Мне было тогда всего три года.

Я как будто родилась в Боровлянке, с неё и начинаются мои воспоминания. Первое, что я помню о себе: мы с подружками сидим у окна детского дома на деревянной лавке. День солнечный. Мы измеряем друг у друга коленные чашечки и спорим, у кого колени больше. Второе воспоминание самое волнительное в моей памяти: воспитательница построила нас в рядок лицом к двери. Через стеклянное окошечко двери на нас смотрят какие-то люди, а потом открылась дверь, и мне сказали: «Лия, за тобой мама

приехала!» Я кинулась на шею вошедшей в комнату женщине, крепко обняла её ручонками и уже больше не отпускала. Мама несла меня на руках, время от времени передавая своей сестре. Иногда я немножко сама бежала, но ноги мои плохо слушались, и я часто падала, но мне ничего не было страшно: ведь теперь со мной была моя мама! И только спустя некоторое время я стала задавать маме вопросы, на которые она отвечала без всякого желанья: «Где у тебя кудри? (развились). Где твой браслет? (потерялся). Почему ты не красишь губы? (помада закончилась). Где кожаное пальто папы? (порвалось)...» Как молитву я твердила песню о том, как гитлеровцы удирают назад от Ленинграда. Может, эту песню сочинили в моей семье, потому что больше нигде я таких стихов не встречала:

Немца, румына и финна война в объятья взяла.

Их бьёт, трясёт, морозит и рвёт.

Гитлера войско от страха ревёт:

- Где же наша победа?
- Где Москва, Ленинград?
- Нам обещали, нас заверяли,

А мы удираем назад?!

Из Боровлянки меня привезли в с. Буланиха Зонального района. Теперь Казанина Василиса Игнатьевна стала моей мамой, а её сестра, Суворова Мария Игнатьевна – моей крестной, которая окрестила меня в Успенском соборе г. Бийска. Сердобольные жители села

часто меня спрашивали о прошлой жизни, и я им отвечала: «В городе бомбят и стреляют, и нас убивают». Страх смерти был так велик, что я ещё долго, ложась спать, говорила: «Господи, хоть бы до завтра дожить!» Я была очень слаба и болезненна: у меня постоянно болели живот и голова, а за ухом было углубление от раны. Меня выносили, выучили и вывели в люди мои приёмные родители. Благодаря им я окончила институт, но из-за их же опасения потерять меня я лишилась сведений о моей ленинградской семье. Однажды я увидела синенькую бумажку: «Свидетельство о рождении Журавлёвой Лии Петровны, 12 мая 1939 года рождения, место рождения г. Ленинград». Я чётко запомнила этот документ, потому что с детства обладала великолепной памятью. Эта информация всю жизнь не выходит из моей памяти, также как и «Свидетельство об удочерении», которое состоялось не в Боровлянке, а почему-то в Савиновском или Соколовском детском доме. Моя приёмная мать была неграмотной и очень больной женщиной, поэтому моим воспитанием в основном занималась моя крёстная мать. Боясь потерять меня, они уничтожили документ об удочерении и ленинградское свидетельство о моём рождении: возможно, их напугал приезд из Ленинграда одного мужчины, который искал свою дочь в с. Буланиха. Кто это был? Возможно, мой отец? Именно после этого случая состоялся такой разговор с мамой:

– Лиля, если бы отыскался твой настоящий отец, ты поехала бы с ним?

– Да, конечно, поехала бы, – ответила я.

– А как же я?» – взволнованно воскликнула мама.

– А мы взяли бы тебя с собой, – сказала я и обняла её за шею. На все мои запросы в Ленинград и детские дома Алтайского края я не получила никакого ответа. А мне так хочется приоткрыть завесу над тайной моей настоящей семьи и услышать от родных слова благодарности моим приёмным родителям.

*Лия Журавлёва-Яковлева
г. Заринск*

ВОТ ОНИ, РУССКИЕ ХАРАКТЕРЫ...

Вы когда-нибудь задумывались над тем, что значит творить добро? Вот и я не задумывалась. Жила себе и жила семь десятков лет, не расставаясь со своей болью и пронеся через всю жизнь тяжкий груз блокадного Ленинграда. А жизнь скоротечна. Бежишь, бежишь, и некогда остановиться и оглядеться. И вдруг.... Обо что-

то неожиданно споткнёшься и на миг остановишься. Вот и я неожиданно споткнулась о статью Анны Бодаговой «Зажгите свечи в нашу память» в Алтайской правде за 5 мая 2012 года. Споткнулась и замерла... и помчалась в Боровлянку. Ехала с надеждой узнать что - нибудь о себе, обратиться за помощью в поисках родственников. Вступив на боровлянскую землю, я почувствовала такое волнение, которое не передать словами. Вот она, моя малая родина, где я во второй раз получила право на жизнь. Тогда, в страшном сорок втором году в Боровлянке не было слышно зловещего гула самолётов, не были сирены, не полыхали пожары. Здесь была такая звенящая тишина, голубое небо и яркое солнышко. А ещё здесь жили добрые люди, которые кормили нас и почему-то всё время плакали. Я очень сожалею о том, что по причине своего малолетства не запомнила ни лиц, ни имён людей, вывезших нас из блокадного Ленинграда, ни тех боровлянских женщин, которые завыли в голос, увидев нас, измождённых и обессиленных. Дорогие боровляны сороковых! Пусть ваши дети знают, что вы ценой своей жизни и своих голодных детей спасали нас от неминуемой смерти. Вы отпаивали нас тёплым клюквенным настоем, делили скудную пайку хлеба. Это вы хоронили умерших детдомовцев, провожая их в последний путь на сельское кладбище, оплакивая вместо матерей. Это ваши добрые сердца и заботливые руки вырвали нас из лап смерти. И не ваша вина в том, что 88 детей нашли свой последний приют на сельском погосте. Спасибо вам, боровляны следующих дней, кто ухаживал за могилками этих несчастных детей, кто увековечил их память в книгах и мемориале, кто молится за них. Спасибо всем, кто подарил нам незабываемую встречу блокадников и многолюдный праздник памяти 23 октября 2012 года. Это о вас сказал Алексей Толстой: «Вот они, русские характеры! Кажется, прост человек, но придёт суровая беда в большом и малом, и поднимется в нём великая сила – человеческая красота!»

*Лия Журавлёва-Яковлева
г. Заринск*

СТРАШНЫЕ ГОДЫ ВОЙНЫ – ГРОЗНЫЕ ГОДЫ БЛОКАДЫ

Я коренная жительница села Петровка Троицкого района Алтайского края. Заинтересовавшись историей своего села, я вместе с

учителем истории Паршиковой Н.А. выяснила, как во время войны сюда попали дети блокадного Ленинграда. Казалось бы, Петровка так далеко от этого города, но и здесь жителей, далеких от войны, коснулась трагедия человеческих судеб, их проблемы. Блокадные дни – героические времена. Можно уходить в них, как в нескончаемый лабиринт таких ощущений и переживаний, которые сегодня кажутся сном или игрой воображения. Тогда это было жизнью, из этого состояли дни и ночи взятого в кольцо, но не сломленного города. Война в Ленинград ворвалась внезапно, и все мирное пропало как-то сразу, очень быстро, смерть и огонь сражений приблизились к городу. Там, где астрономы Пулковской обсерватории в тишине ночей наблюдали тайны неба, где, по предписанию науки, было вечное молчание, воцарился непрерывный грохот бомб, артиллерийской канонады, свист пуль, гул обваливающихся стен. Над всей трагической неразберихой грозных дней, над потерями и известиями о гибели и разрушениях, над тревогами и заботами, охватившими город, господствовал гордый дух сопротивления, ненависти к врагу, готовности сражаться на улицах и в домах до последнего патрона, до последней капли крови. Над городом полыхало пламя пожаров. Наступили дни, которые не смог бы выдумать самый неумный писатель - фантаст. Война поставила человека на край бездны, как будто проверяла, на что он способен, чем он жив, где берет силы? В наше мирное время трудно представить, что так было. Читая книги о том страшном периоде, мы представляем картины происходящего. Но это все не то. Это просто воображение, которое далеко от реальности. Не сумев сразу захватить город, гитлеровцы день и ночь бомбили жилые кварталы, госпитали, школы, многочисленные ленинградские музеи. Гибли тысячи людей. Во время бомбёжек сгорели многие продовольственные склады города. Когда наступила зима, прекратилась навигация по Ладожскому озеру, снизился до минимума подвоз продовольствия. Жителям города пришлось тяжело. Выдаваемый по карточкам паек значительно сократился. Ленинградцы голодали. Многие умирали от истощения. Но и это испытание не сломило дух народа: в городе работали многие предприятия и заводы, которые снабжали фронт оружием и боеприпасами. В школах учились дети, в театрах ставили постановки. Назло фашистам город жил и продолжал бороться с ненавистным врагом!

Женщины могут гордиться тем, что в условиях блокады они сохранили детей. В первый месяц войны многие дети были эвакуированы из Ленинграда на Большую Землю, в районы Сибири и Средней Азии, где жители оказывали посильную помощь попавшим в беду малюткам. Одним из них оказался Троицкий район Алтайского края. Осенью 1942 года в село Боровлянка прибыл эшелон с эвакуированными ленинградскими ребятишками. Местные жители, сами голодные, старались помочь измученным блокадой детям. Со слезами на глазах они смотрели на несчастных детей, кормили их картошкой и лепёшками, но не все дети могли есть. У некоторых в глазах было полное равнодушие к пище – это значит, что дистрофия приобрела необратимый характер. Дети стали умирать от истощения по три - четыре человека в сутки. Хоронили их на старом Боровлянском кладбище, где со временем под березами позарастали травой маленькие земляные холмики. Долгое время жители села не могли ответить на вопрос, сколько их было, сколько их умерло?

Детские дома в июле 1943 года в Боровлянке были расформированы, а детей перевели в Петровский дом малютки. В нашем селе ребятишки прожили до 1953 года. И всё это время жители помогали, чем могли. Некоторые мои односельчане работали в том детском доме. Лукина Александра Семеновна была кладовщиком и воспитательницей. Она хорошо помнит о том, как тяжело жилось малюткам - блокадникам: «Было три группы: грудничковая, старше трех лет и подростковая. Женщины села приходили и кормили грудных детей, другим просто приносили пищу и одежду. Детки

стойко переносили все трудности и болезни, даже редко кто из них плакал». Моя двоюродная бабушка Свирина Валентина Васильевна тоже работала медсестрой в детском доме. По ее рассказам, дети постепенно выздоравливали и были уже не такие слабые, но «шрам» от пережитого на сердце у них остался навсегда. Между отдалённым сибирским селом и легендарным Ленинградом далеко не близкое расстояние, но и моих односельчан затронули страшные годы блокады. Прошли годы. Умерли многие свидетели этих событий, жалостливые и участливые женщины Боровлянки и Петровки, но жива еще память о блокадных жертвах войны. На месте захоронения ленинградских детей в Боровлянке поставлен православный крест и памятник. Дети, похороненные в алтайской земле, обрели покой, а жители – душевное равновесие потому, что увековечили их память.

*Анастасия Ющук
с. Петровка*

Я ПОМНЮ ВСЕХ ПОИМЁННО!

Детский дом в селе Хайрюзовка сначала размещался в колхозной конторе, где в трёх комнатах были сооружены нары для сна и столы для питания детей - сирот. В 1946 году детский дом перевели в Хайрюзовскую начальную школу, где в классах оборудовали спальни для трёх групп, а в самой большой комнате проходили учебные занятия. В детдоме проживали в основном дети - калмыки, но были среди них и ленинградские ребятишки, а также сироты из сёл Троицкого района. В 1946 - 47 годах я работала воспитателем в этом детском доме. Директором детдома был Сидоров Иван Игнатьевич, а его жена Алла Прохорова работала воспитательницей. Вместе со мной работали Матрохина Анастасия Фаддеевна, Неворова Евдокия Петровна, Толмачёва Мария Федотовна, завучем был Субботин. В нашем детдоме медицинское обслуживание проводила женщина - врач, которая была списана из действующей армии из-за тяжёлого ранения. Она всегда ходила в военной гимнастёрке, прихрамывая на раненую ногу. Ленинградские ребятишки отличались своей изобретательностью и хорошей учёбой. Особенно всем нравился мальчик Лавренюк Вася, который был заводилой во всех

играх. Впоследствии за Васей приехал отец из Ленинграда. Душенкову Лиду, которую все называли «Душой» за её доброту и любовь к малышам, разыскала родная мать. Лида окончила школу с золотой медалью, а затем и Новосибирский архитектурный институт.

В октябре 1947 года наш детский дом закрыли, а детей и персонал перевели в Петровский детдом. Детей в эти годы кормили неплохо, уход был хороший. Я очень жалела несчастных ребятшек, потому что сама осталась без отца, который погиб на фронте. Последнее письмо мой отец Семейкин Александр написал 20 августа 1942 года из Сталинграда. Среди писем я нашла листок со словами песни, услышанной мною весной 1942 года в нашем клубе. Эту песню исполняла под гитару эвакуированная из Ленинграда женщина. Зал был полон народа. Стояла такая тишина, что были слышны всхлипывания женщин. Я навсегда запомнила эту песню и иногда её пою в память о тех суровых годах.

Хорошие письма из дальнего тыла

Сержант от жены получал.

И сразу, пока душа не остыла,

Друзьям по оружию читал.

Писала, что родиной стала чужбина,

Далёкий сибирский колхоз.

Жалела, что муж не оставил ей сына:

Отца дожидался б и рос.
Читали, улыбки свои не скрывая,
Читали и слёз не тая.
Хорошая другу досталась подруга.
Будь счастлив, товарищ сержант!
Пошли ей, солдат, фронтовые приветы,
Земные поклоны от нас,
Совет да любовь, ласковых деток,
Когда прогрохочет война.
Но ночью прорвали враги оборону:
Солдатам грозила беда.
И пал он обычною смертью героя,
Заветный рубеж не отдав.
Друзья собрались и жене написали,
Как младшей любимой сестре:
«Поплачь, дорогая, убавишь печали,
Поплачь ты о нём и себе».
Ответ получили в знакомом конверте,
Зелёном, как листья весной.
И всем показалось,
Что не было смерти,
Что рядом их друг боевой.
«Спасибо за дружбу, отважная рота,
Но знайте, – писала она, –
Не плачет жена патриота,
Пока что бушует война.
Когда же сражения смолкнут раскаты
И каждый домой заспешит,
Тогда я заплачу, заплачу, солдаты,
По мужу заплачу навзрыд».

*Зинаида Семейкина
с. Хайрюзовка*

ГОРЕ ПОРОДНИЛО ЛЮДЕЙ

С первых дней войны жители Ленинграда поднялись на защиту родного города. Партийная городская организация создала в го-

роде 10 дивизий ополчения, 16 пулемётно - артиллерийских батальонов, несколько подразделений МПВО. Тысячи ленинградцев вступили в партизанские отряды, более пятисот тысяч горожан строили оборонительные рубежи, выпускали военную продукцию. Горе породило и объединило людей в самые страшные и тяжёлые годы блокады. Отрезанные от страны, они мужественно и стойко боролись за своё выживание, за спасение детей, которые наравне со взрослыми испили страшную чашу нечеловеческих страданий. Детей спасали всеми способами: матери отдавали последний кусок хлеба, в школьных столовых заваривали мучную болтушку, солдаты фронтовых подразделений тоже делились скудным пайком. А ещё их хотели спасти эвакуацией, надеясь, что в Сибири, на Урале, в Казахстане, на Алтае их поддержат, накормят, вылечат. На восток и юг, подальше от войны, шли поезда с голодными и изнуренными людьми, большинство из которых были дети - блокадники. С появлением ленинградцев в нашем селе Талдинка у местных властей возникли большие проблемы: где разместить эвакуированных, чем накормить, как уберечь от смерти больных деток? Прибывшие из Ленинграда люди были распределены в семьи талдинских жителей, которые бескорыстно приняли, обогрели, накормили измученных долгой дорогой ленинградцев, среди которых было много ребятшек. В наш дом тоже поселили такую семью. Мы с мамой радостно приняли тётю Зину и её маленькую дочку Тому, которая быстро освоилась с хозяевами и домашними обитателями: кошками и собаками. У неё была любимая игрушка – тряпичный Мишка, с которым она почти не расставалась.

– Я пошла в магазин, а ты сиди дома, уложи Мишу спать, – напутствовала меня пятилетняя Тома, а через минуту, вернувшись из «магазина» и не обнаружив игрушечного Мишку в постели, отчитывала меня:

– Так нельзя делать. Миша хочет спать. А почему он не спит?

Мне было восемь лет, и я терпеливо сносил все её придирки: стоило пацану связываться с маленькой девчонкой! Тётя Зина и Тома питались вместе с нами за одним столом: благо картошка у нас с матерью была круглый год, овощами и ягодами тоже запасались на

всю зиму, корова давала молоко и даже выполняла не свойственную ей лошадиную функцию. А вот с хлебом были перебои, но мама с тётёй Зиной ухитрились поддержать наши детские организмы от истощения. Для сельских ребятишек приезд ленинградцев был неожиданным и постоянно вызывал интерес: какие дети придут к нам в школу? Фамилии многих ребятишек я помню до сих пор, всегда вспоминаю не только их лица, но и их умение быстро адаптироваться в новом коллективе. Нас удивил своими способностями к рисованию Володя Антоневи́ч: он рисовал с натуры и затем нам раздавал эти «портреты» на память. Помню Эдика, Славу Кальянина, Витю Суркова, но лучшим моим другом был Аркаша Хитров. Мы бывали с ним повсюду вместе, а его мать, Анна Алексеевна, учила нас в школе. Из старших девочек я всегда вспоминаю Валю, Лялю и Дору Десяткову. Помню я и своих сверстниц: Енину Суркову, сестёр Суликовых, Валю и Веру Сицко. Распрощавшись с голодом, эвакуированные скоро приобрели здоровый вид, обзавелись знакомыми, играли и ворожили на картах, вызывая «дух» Ленина и Крупской, и сами же смеялись над своей затеей. Ленинградцы вели нормальный образ жизни, освоились настолько, что нам казалось, что они здесь жили всегда. Ни один из них не умер, все благополучно встретили радостное известие о снятии блокады 27 января 1944 года. Общее горе настолько нас сплотило и породнило, что при расставании все плакали. Я тоже мучительно переживал предстоящую разлуку с одной девочкой, которая мне очень нравилась, с ней я дружил и без неё не мыслил своё детское существование. Прошли годы, в течение которых я не раз мечтал о нашей встрече. И вот эта встреча состоялась в 1955 году во время моей службы в Ленинградской области. В разгар летних ночей мы с Верой гуляли по Невскому проспекту. В моей памяти навсегда остался разговор с любимой девушкой. Каждое её слово в моей душе оставило неизгладимый след. Мы мечтали о будущей счастливой жизни.

– Вон твой Кронштадт, – показала Вера рукой в сторону Финского залива, в дымке которого виднелся силуэт легендарного города. Мы остановились, и Вера спросила:

– Расставание надолго?

– Осенью обязательно встретимся: моя служба заканчивается.

– Я 12 лет ждала от тебя ответ из Талдинки, все эти годы жила воспоминаниями и грёзами о нашей встрече. Почему ты не ответил на моё письмо?

– Вера, я не смог сразу ответить, а потом письмо затерялось. Извини, родная, я очень сожалею об этом, особенно сейчас, когда моя служба проходит в Кронштадте, совсем рядом с тобой. Всё это время я жил тоже надеждой встретить тебя. И вот, как видишь, встретились.

– Надолго?

– Думаю, что навсегда. Мне осталось служить полгода. Полюбить в восемь лет – это серьёзно и навсегда?

– Серьёзно и навсегда! – с надеждой и уверенностью повторила Вера.

Всю белую ночь мы прогуляли с нею по городу - герою, а утром со слезами на глазах и болью в сердце расстались. Я поспешил на буксир, увёзший меня для прохождения службы в Кронштадт, а Вера ещё долго смотрела мне вслед и махала рукой на прощание. Но не суждено мне было ещё раз побывать в этом городе, пройти по Невскому проспекту, полюбоваться красотой Исаакиевского собора и ещё раз встретиться с любимой девушкой. Судьба распорядилась по - своему, но память вновь и вновь возвращает меня в годы детства и юности.

*Николай Герасимов
с. Талдинка*

МЫ ПОМНИМ ДЕТЕЙ ЛЕНИНГРАДА

Мои родители, Аким Авдеевич и Анастасия Егоровна Першины, в селе Гордеевка славились своим трудолюбием и стремлением жить с пользой для общества. Отец прошёл войну с первого дня и до последнего, был ранен. После войны он с головой окунулся в колхозную жизнь: многие годы он возглавлял Ельцовский

сельсовет. В Гордеевке ему пришлось поработать кладовщиком, фуражиром и учётчиком на ферме. Наша мать отличалась не только кротким нравом и добротой, но и умением ладить со всеми односельчанами. Многие жители в трудную минуту жизни обращались за советом к нашим родителям. Мы с детства были приучены к любой работе, с годами стали настоящими помощниками в семье. Когда отец сражался на Карельском фронте, а мать работала от зари до зари на колхозных полях, пятилетняя сестра Рая присматривала не только за мной и братом Сашей, но и за домом и огородом. В 1942 году в село Гордеевку прибыли эвакуированные из Ленинграда, среди которых было много детей. Жители села приняли их на постой, старались помочь едой и одеждой. Наша мама и тётя Паша Болоцких взяли на содержание несовершеннолетних сестёр Лиду и Нину Александровых: их мать умерла от голода, а отец погиб на фронте. Несколько дней девочки находились с мёртвой матерью в ленинградской квартире, а затем они завернули её труп в простыню и увезли в большой сарай, куда свозили умерших со всего района. Такую невесёлую историю поведали сёстры своим приёмным семьям, где прожили десять месяцев. Девочки отличались кротким нравом и постоянной грустью в глазах. В школе учились очень хорошо, были хорошими подружками и интересными собеседницами. В июле 1943 года их определили в Петровский детский дом, куда они уезжали без всякого желания, потому что девочки уже прижились в наших семьях. Мы часто вспоминаем этих деток, как тяжело им было жить без родителей. Никогда не забуду, как одна ленинградская девочка в нашем селе хоронила свою мать. Она одна шла за тележкой с телом матери, которую вёз на кладбище один из жителей нашего села. Мне до сих пор тяжело об этом вспоминать. Впоследствии мне пришлось учиться в Троицкой школе со многими детьми-блокадниками, которые отличались своим примерным поведением и отличной учёбой. Они стремились к учёбе, выполняли всю работу с большим желанием. Многие из них через несколько лет уехали обратно в Ленинград.

*Зоя Павельева
с. Троицкое*

Блокада

41- ый год. Блокада Ленинграда.
900 ночей и дней мучений, слёз и ада.
Взрывы бомб, разрывы гранат.
Разве детям это надо?
А ведь детки Ленинграда испытали муки ада.
Будущее Ленинграда поглотила та блокада.

*Анастасия Беломытцева
с. Троицкое*

ОБ ЭТОМ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫВАТЬ!

Всё дальше уходят в прошлое годы Второй мировой войны, всё меньше остаётся очевидцев того страшного времени, с каждым днём меняются нравственные ценности и отношение у нового поколения россиян к истории Отечества. Но есть ещё в нашей стране люди, которые стараются поведать своим потомкам самые лучшие страницы истории России, заложить в них желание жить по-человечески и с пользой для общества. Именно с таким устремлением живут жители села Боровлянки, решившие увековечить память детей - блокадников, эвакуированных в село Боровлянка в августе - октябре 1942 года. Истощённые блокадой и многодневным переездом из Ленинграда в далёкую Сибирь, малытки умирали по несколько человек в сутки, несмотря на добросовестное отношение к ним персонала детдомов. Об этом свидетельствуют копии анатомических обследований умерших детей. Работники столовой, медперсонал и воспитатели детских домов старались разнообразить питание угасающих с каждым днём детей: использовали клюквенный и морковный сок, отвары целебных трав, отрывали от себя последний кусок хлеба, отдавая его детям. Но что можно было сделать для спасения детей с такими диагнозами как: дистрофия второй и третьей степени, рахит, цинга, авитаминоз. Измученные бомбёжками, голодом и долгой дорогой, многие дети не могли даже самостоятельно есть и передвигаться. На теле и во рту были язвы, у всех деток кожа была сухая и морщинистая, они отличались вялым поведением и отсутствием интереса к еде и окружающему миру.

Малютки, некоторым из них едва исполнилось полтора года, умирали тихо, редко стонали и только иногда звали маму. Они умирали в основном ночью или рано утром, о чём свидетельствуют медицинские заключения. Поражаешься мужеству врачей, которые в условиях голода и холода все свои силы отдавали этим несчастным деткам, успевали ещё вести медицинские карты детей, записывая об их последних минутах жизни, когда ни бумаги, ни чернил не было в нужном количестве. Поэтому иногда записи велись на газете «Алтайская правда». Вот одна из таких записей была сделана на публикации под названием: «О проведении недели помощи Ленинграду. Постановление бюро Алтайского крайкома ВКП(б) от 28 января 1943 года» за подписью секретаря Алтайского крайкома ВКП(б) В. Лобкова: «Необходимо провести в Алтайском крае неделю помощи Ленинграду. С этой целью принять предложение колхозников сельхозартели «Ленинградец» о посылке эшелона с продуктами защитникам Ленинграда. Организовать сбор хлеба, мяса, масла, муки, овощей из личных запасов колхозников». Жителями Алтая в это же время были собраны средства на постройку Сталинского соединения боевых самолётов «Алтайский истребитель». Но умирающих детей это не радовало: многие из них дожили последние часы и минуты жизни. Об этом говорят копии анатомических обследований умерших детей - блокадников. В списке значатся фамилии умерших ленинградских детей из детских домов №1, №3, которых наблюдали врачи из Ленинграда Демьяненко Е.А., Лукина А.С. и Козырева. Эти дети похоронены тоже на Боровлянском кладбище, потому что они умерли в момент пребывания в селе Боровлянка, т.е. с октября 1942 года до последней минуты своей жизни 1943 года. По записям установлено, что больше всего умерло детей в ноябре - декабре 1942года. Всего же умерло 88 ленинградских малюток. В июле 1943 года оставшихся в живых детей из Боровлянки перевели в Петровский дом ребёнка Троицкого района, который стал называться Ленинградским домом малютки №1 и просуществовал до 1953 года. Согласно смете расходов за 1951 год, в детдоме проживало 62 ребёнка в возрасте от 4 месяцев до 4 лет, которых обслуживало более 45 человек: врачи, медсёстры, воспитатели, нянечки, сторожа, повара, прачки. Заведовала детским

домом В.В. Перепелевская, а главврачом здесь была М.И. Давидзон. Детский дом малютки располагался в нескольких зданиях: в двухэтажном здании было спальное помещение, отдельно стояло карантинное помещение, а также прачечная и кухня. Сюда же были переведены калмыцкие и ленинградские сироты из Хайрюзовского детского дома. После окончания войны многих детей - блокадников увезли в Ленинград, некоторых взяли на воспитание местные жители, а других отправили в детские дома Алтайского края. Многих жителей, которые были в числе обслуживающего персонала детских домов и были очевидцами страданий сирот, умирающих вдали от родного дома, уже нет в живых. Но мы обязаны помнить всех: ведь память ныне живущих о невинно загубленных детских душах – это дань памяти всем детям военного времени, убитым или угнанным в рабство, умершим от голода и холода вдали от родного дома.

*Лариса Смолякова
с. Троицкое*

БЛОКАДУ СНЯЛИ – ЛЮДИ ПЛАКАЛИ

Проживает в селе Заводском блокадница Нина Семеновна Дмитриева, отец которой воевал на Волховском фронте. «Папа настаивал на том, чтобы мы эвакуировалась из блокадного Ленинграда, но мама наотрез отказалась, – вспоминает Нина Семеновна. – Последний раз я видела папу, когда он находился в госпитале на Выборгской стороне. Папа погиб в бою за Ленинград. Немцы часто бомбили город. Жители заклеивали окна газетами, чтобы стекла не вылетали. Не было ни электричества, ни отопления, ни воды. В квартирах стояли печки-буржуйки, которые топили мебелью и книгами. Начался голод, детям полагался хлебный паек 125 грамм, а взрослым – 250. Я раскрошу свой кусочек и водичкой залью, а потом съем и

*В.В. Журавлёв вручает награду блокаднице
Н.С. Дмитриевой*

еще воду в кружечку налью, чтобы хлебом пахло. А мама всю свою пайку отдавала моему братику Витеньке. В бомбоубежище мы уже не ходили – не было сил спускаться. После каждой бомбежки мама прибежала к нам со словами: «Живы?» Она умерла от голода в апреле 1942 года. Мы с тетей завернули её в простыню и на саночках повезли в морг. Трупов в городе было так много, что их не успевали убирать. Когда объявили о снятии блокады, люди обнимали друг друга и плакали, а по Невскому проспекту вели пленных немцев, которые потом отстраивали разрушенный город». После смерти матери Нина перешла жить к тете, а ее братья умерли от дистрофии в детском доме.

В 1965 году она с семьей приехала в с. Заводское, где её муж умер, и она одна подняла на ноги пятерых детей. У Нины Семеновны 10 внуков и 15 правнуков, некоторые из них живут в Заводском, помогают по хозяйству, поэтому она почти никогда не бывает одна. К ней часто приходят школьники вместе с учителем истории Ниной Леонидовной Смышляевой, которым она рассказывает о своей жизни в блокадном Ленинграде. 27 января 2019 года Н.С. Дмитриеву навесил представитель администрации Троицкого района Виктор Владимирович Журавлев, который вручил Н.С. Дмитриевой памятный знак 75 - летия снятия блокады Ленинграда. Он поблагодарил ее за героизм и стойкость, которые стали символом непобедимости и мужества советского народа.

*Василий Слукин
с. Заводское*

Дочери блокадного Ленинграда

В голодных стенах Ленинграда
Осталась Нина без отца.
Не ради красного словца
Хочу воспеть я дочь блокады.
Я рассказать хочу о том,
Как смерть в обнимку с лютой стужей
Стучала в каждый двор и дом
В людей вселяя дикий ужас.
Об этом слышала не раз

От тех, кто выжил в смертной схватке.
Слова скупы, горьки и кратки.
Итак, начнётся мой рассказ:
Семён Андреевич Крылов
Ушёл на фронт, служил в разведке,
Немало очень тёплых слов
Семье писал он в письмах редких.
Он воевал, семья ждала,
Жила надежда песней звонкой.
Боль не заметивши пришла
На стол, улёгшись похоронкой.
А мать шепча: «Ой, лихо, лихо»,
Смотрела с ужасом на стол...
Вдруг закричала страшно, дико
И рухнула без чувств на пол.
Болела мать, меньшие братья
Просили хлеба и тепла,
А смерть холодные объятья
Для них давно приберегла.
И чёрный хлеб в сто двадцать пять
Граммулк сразу не съедали:
Заварят, выпьют и опять
Заварят, так и выживали,
Но от голодных челюстей
Спасёшься взварами едва ли.
И, чтобы выжить, люди клей
Варили и его хлебали.
Хотелось постоянно есть,
Что-нибудь да пожевать бы.
Голодных мук не перечесть,
А смерть с косою играла свадьбы.
Ей было разгуляться где:
Зайдёт в квартиру – пир горою.
Снарядом, чиркнув по воде,
Под сотню в день брала с собою.
Мать Нины со своим здоровьем

Блокаду не пережила,
И вспоминает Нина с болью
Завёрнутые в ткань тела,
Сваленные хаотичной грудой—
За смертью разве же поспеть?
И било солнышко полудой,
Чтоб напоследок обогреть
Тела умерших. В этот год
Их в кучу навезли немало.
Сказала тётка детям: «Вот
И Пелагеюшки не стало».
Перекрестилась. С воем мина
Искала заданный маршрут.
Давно уже не просто Нина
Седую женщину зовут.
Давно утихла канонада,
И мирный наступает день,
Но слово страшное «блокада»
Маячит за спиной, как тень.
Да память горечь сохранила
И по ночам, как на парад,
Родных выстраивает в ряд:
Большую братскою могилой
Для них в войну стал Ленинград.
За жизнь свою, цепляясь хватко,
Судьбе, как злейшему врагу,
Шептала часто: «Я смогу.
Недаром же я – ленинградка!»
И пятерых детей растила
Без мужа (его схоронила).
Улыбка не сошла с лица,
А жизнь – достойная награда.
Не ради красного словца
Воспеть хотела дочь блокады.

Татьяна Беленова
с. Заводское

Список эвакуированных детей Ленинградского дома малютки №3 в с. Ново – Боровлянка

27 сентября 1942 года:

1. Анишин Николай Михайлович 16.08. 39г.
2. Азаренкова Людмила Евгеньевна 29.01. 39г.
3. Бабтюгова Светлана 21.04. 41г.
4. Григорьев Виктор 06.08. 41г.
5. Головастиков Борис Фёдорович 17.06. 41г.
6. Демьяненко Евгений Михайлович 07.11. 39г.
7. Дмитриев Владимир Иванович 24.11. 39г.
8. Дмитриева Галина Ивановна 12.01. 40г.
9. Исаева Галина Николаевна 23.12. 38г.
10. Иванова Галина 14.04. 40г.
11. Кудрявцев Алексей Алексеевич 1937г.
12. Кочетова Фатима Борисовна 09.08. 38г.
13. Крымская Софья 12. 05. 39г.
14. Левина Людмила Александровна 06.09. 39г.
15. Патравнов Владимир Кириллович 2,5 года
16. Сидоров Владимир Семёнович 31.03 40г.
17. Сидаева Наталия Ивановна 1938г.
18. Собитов Феликс Файздрохманович 30.09. 40г.
19. Чижевский Слава 05.11. 39г.

Список сирот Василеостровского детского дома № 30 г. Ленинграда, эвакуированных в с. Ново - Боровлянка в 1942 году:

1.Аболина Светлана	9.Коновалов Витя
2.Белякова Амга	10.Левченко Галя
3.Васильев Борис	11.Мировой Юрий
4.Егоров Игорь	12.Осеева Тамара
5.Евстафьева Люся	13.Кряков Юрий
6.Жунето Инга	14.Семёнова Галя
7.Иванова Тамара	15.Яковлева Галя
8.Коновалов Инз	16.Михайлова Валя

17. Чувьрин Игорь
18. Каболин Женя
19. Троицкая Валя
20. Колосова Люся
21. Меркачова Галя
22. Александрова Валя
23. Абрамова Наталья
24. Бруклина Эмма
25. Быстрова Таня
26. Дунаева Нина
27. Дневнеткульдеева Рая
28. Жукова Тамара
29. Зайцева Елена
30. Мироя Тамара
31. Мировой Игорь
32. Осеева Галина
33. Федотова Серафима
34. Котева Тамара
35. Амбружис Галина
36. Пирогова Валя
37. Константинова Люда
38. Кузьмина Валя
39. Орлов Петр
40. Вангулин Николай
41. Колосов Анатолий
42. Каскаланд Владимир
43. Некрасов Александр
44. Гравель Адольф
45. Вильчевский Борис
46. Евстрахин Виктор
47. Шакала Гаврила
48. Иванов Вениамин
49. Хромаков Владимир
50. Григорьев Виктор
51. Ваганов Сергей
52. Фомина Любовь
53. Иванова Лидия
54. Денисова Люда
55. Белякова Лида
56. Егорова Тамара
57. Никитина Зоя
58. Андреева Валя
59. Румянцева Антонина
60. Левченко Нина
61. Сергеева Нина
62. Аболина Лариса
63. Степанова Лидия
64. Саморукова Вера
65. Рудеева Зоя
66. Степанова Раиса
67. Богданова Маргарита
68. Голубева Люда
69. Ветлеев Александр
70. Тумова Галина
71. Поросёнкова Вера
72. Павлова Валя
73. Тягунова Катя
74. Щербакова Галя
75. Смирнова Галя
76. Мекандрова Люда
77. Горбунова Зоя
78. Попенкова Анастасия
79. Коршунов Юрий
80. Дикушин Серафим
81. Трофимов Александр
82. Жуков Бронислав
83. Борейко Борис
84. Дмитриев Анатолий
85. Оржесковский Слава
86. Семёнова Нина
87. Колосов Сергей
88. Немкова Нина

89.Коровнина Лида	107.Артемяева Катя
90.Михеева Люся	108.Богданова Рая
91.Родина Валя	109.Гаврилова Тоня
92.Георгиева Валя	110.Колосов
93.Каскеланд Люся	111.Колосова
94.Ростовцева Валя	112.Пиковец
95.Невина Лида	113.Большова
96.Макарова Тамара	114.Королёва
97.Корежилова Нина	115.Гаврилова
98.Тумова Антонина	116.Михеева
99.Семёнова Клава	117.Панфилова
100.Оржесковский Эдуард	118.Григорьева
101.Кизовский Вениамин	119.Васильева
102.Клименчинок Борис	120.Данилова
103.Цветков Витя	121.Скворцов П.
104.Богданова Нина	122.Скворцова
105.Арефьева Лида	
106.Шиковец Аля	

Список детей блокадного Ленинграда, похороненных в с. Боровлянка в 1942 – 43 годах

Ленинградский дом малютки № 1:

- 1.Грунёв Василий 17.05.1940г. - 21.10.1942г.
- 2.Тубаковский Володя 2г.6м. умер 12.10.1942г.
- 3.Виноградов Володя 2г.6м. умер 26.10.1942г.
- 4.Лебедева Галя 2г. 6м. умерла16.10.1942г.
- 5.Назаренко Игорь 22.12.1939г.- 14. 10.1942г.
- 6.Крупинова Галя 21.07.1940г. - 26.10.1942г.
- 7.Ильин Александр 2г. 3м. умер24.10.1942г.
- 8.Рябова Надежда 09.11.1939г. - 12.10.1942г.
- 9.Броварова Тамара 1г.9м. умерла 26.10.1942г.
- 10.Струканова Нина 2г.6м. умерла 13.10.1942г.
- 11.Егоров Виктор 1 г. 3м. умер 18.10.1942г.

- 12.Сизов Вячеслав 12.02.1939г.- 18.10.1942г.
- 13.Мишанова Надежда 3г. 6м. умерла 25.10.1942г.
- 14.Мухортов Платон 31.03.1941г. - 12.10.1942г.
- 15.Стинов Олег 1г.6м. умер 14.11.1942г.
- 16.Павлова Инна 1г.6м. умерла 20.10.1942г.
- 17.Баранова Тамара 1г. 6м. умерла 20.10.1942г.
- 18.Юрева Елена 1г. 6м. умерла 1.10.1942г.
- 19.Осипова Тамара 3г. умерла 30.9.1942г.
- 20.Линц Галина 2г.6м. умерла 26.9.1942г.
- 21.Смирнова Нелли 3г. умерла 14.11.1942г.
- 22.Васильева Галина 2г.6м. умерла 14.11.1942г.
- 23.Шурухин Геннадий 1г. 6м. умер 15.11.1942г.
- 24.Фадеева Лилия 2г. умерла 11.11.1942г.
- 25.Безунова Валентина 2г. умерла 11.11.1942г.
- 26.Филиппова Татьяна 1г.8м. умерла 12.11.1942г.
- 27.Бабенкова Тамара 13.02.1939г.- 24.11.1942г.
- 28.Лепёшкин Григорий 15.10.1939г - 23.11.1942г.
- 29.Мельников Геннадий 2г.5м. умер 23.11.1942г.
- 30.Захарова Людмила 3г. умерла 20.11.1942г.
- 31.Сизова Лидия 22.01.1939г. - 22.11.1942г.
- 32.Александров Борис 3г. умер 29.11.1942г.
- 33.Логвиненко Александр 9.10.1939г.-5.12.1942г.
- 34.Андреева Альбина 2г. умерла 9.12.1942г.
- 35.Бурдена Людмила 3г. умерла 8.12.1942г.
- 36.Колганов Лёва 4г. умер 8.12.1942г.
- 37.Старостин Юрий 23.11.1939г. - 25.12.1942г.
- 38.Мартьяков Юрий 3г.5м. умер 9.1.1943г.
- 39.Попов Александр 3г. умер 9.1.1943г.
- 40.Вербицкая Людмила 9.04.1939г. -15.01.1943г.
- 41.Петрова Людмила 3г. умерла 17.2.1943г.
- 42.Черкасова Светлана 30.04.1940г.-15.2.1943г.

Ленинградский дом малютки № 3:

- 1.Черненко Анатолий 3.10.1939г.- 18.3.1943г.
- 2.Собитов Феликс 2г. умер 15.11.1942г.

3. Бабтюкова Светлана 1г.7м. умерла 21.11.1942г.
4. Головстиков Борис 5г. умер 19.11.1942г.
5. Погорелова Тамара 7.01.1941г. - 20.11.1942г.
6. Анисимов Николай 16.08.1939г.- 29.11.1942г.
7. Леткина Лидия 18.06.1940г. - 4.12.1942г.
8. Блонский Евгений 17.4.1941г. - 9.12.1942г.
9. Судаков Толя 3.4.1940г. - 9.12.1942г.
10. Власова Люся 3г. умерла 11.12.1942г.
11. Смирнов Юрий 22.9.1942г - 10.12.1942г.
12. Муратова Лариса 22.12. 1939г. - 31.12.1942г.
13. Чижевский Слава 2.12.1939г. - 31.1.1943г.
14. Гаврилова Галина 3г. умерла 30.12.1943г.
15. Лисичкина Люся 3г.8г. умерла 31.12.1943г.
16. Журавский Леонид 28.2.1941г. - 16.12.1942г.
17. Буковская Галина 20.5.1939г.- 10.1.1943г.
18. Попов Александр 25.1.1941г. - 20.12.1942г.
19. Дудина Тамара 3.07.1940г.- 16.12.1942г.
20. Сатылова Нина 4г. умерла 7.2.1943г.

Василеостровский детский дом № 30:

- 1..Коровкина Лидия 26.01.1938г. -- 3.1.1943г.
2. Корсаков Николай 24.04.1938г. -- 15.12.1942г.
3. Соловьёва Татьяна 14лет, умерла 22.10.1942г.

Список умерших ленинградских детей, эвакуированных в с. Ново - Боровлянка в 1942 - 43 годах:

1. Аншиев Коля 16.08.1939г. - 29.11.1942г.
2. Бахвалова Тамара 2г.4мес. умерла 1942г.
3. Волкова Зина 3 года умерла 20.10.1942г.
4. Воробьёв Владимир 19.08.1940г.- 19.10.1942г.
5. Глубоковский Владимир 3 г., умер 12.11.1942г.
6. Захарова Нина 20.11.1939г.- 18.11.1942г.
7. Ишанин Юра 8.10.1940г. - 11.11.1942г.
8. Караваткова Тамара 30.10.1939г.- 30.10.1942г.

9. Леухартов Платон 2 г. 9 м. у. 10.12.1942г.
10. Мениспова Надя 3г. 4 м., у. 10.11.1942г.
11. Прокофьева Люба 14.01.40г.- 15.11.1942г.
12. Потапов Анатолий 9.04. 40г. - 9.11.1942г.
13. Рогова Галина 10.07.1940г. - 10.11.1942г.
14. Рыбакина Валя 10.03.1940г. - 8.11.1942г.
15. Смелов Олег 3года умер 10.12.1942г.
16. Смирнова Лора 21.01.1941г. - 8.11.42г.
17. Соболев Герман 7.06.1939г. - 22.01.43г.
18. Соколова Люся 3года умерла 16.01.43г.
19. Шелапков Станислав 2.11.1939г. - 15.11.42г.
20. Шемелин Юра 05.09.1940г. - 25.12.1942г.
21. Шпакин Юра 03.10.1940г. - 24.11.42г.
22. Яковлев Владимир 1940г. - 28.10.42г.
23. Сухова Лидия 7.05.1940г. - 12.11.1942г.

Жертвам блокадного Ленинграда

Одним цветком земля беднее стала,

Одной звездой богаче небеса

Близ Боровлянки, на косогоре,
Дети лежат упокоенные,
И над могилками, словно зори,
Свечи горят зажженные.
Восемьдесят восемь свечей
Напоминают собою
Блеск молящих очей,
Загубленных войною.
Маленький мальчик Витя Егоров,
Было ребеночку год с небольшим,
Стинов Олег, Александров Боря –
Словно цветки, василек, георгин.
Восемьдесят восемь цветков
Вмиг здесь Земля потеряла,
И на столько цветков
Она беднее стала.

Лида и Таня были постарше,
Им бы по школьной тропинке шагать,
Но они, в небе звездами ставши,
В новом созвездии стали сиять.
Восемьдесят восемь огней
Смотрят на нас с поднебесья,
Россыпь душ тех детей
По звездному Полесью.

*Николай Цимбалист
с. Троицкое*

Блокада

Пришла война, грохочут канонады,
Взрываются дома, горят склады.
Пришёл тот страшный день блокады,
Нет памяти страшнее для страны.
В кольцо врагом был город взят,
Отрезан от страны был Ленинград
На девятьсот ужасных дней.
В нём будут тысячи смертей.
Голодные дети там умирают,
И стоны воздух разрывают,
И слёзы льются, как река,
Ведь смерть кругом – потеря велика!
Ещё мы долго помнить будем
Страницы Тани Савичевой дневника,
Она ручонкой детской выводила строки,
Как умирала вся её родня.
Но город выстоял, всё перенёс:
Обстрелы, холод, голод, горе.
Фашисты не смогли сломить народ,
Который выстоял в войне суровой.

*Елена Лисицина
с. Троицкое*

Сердце болит

Прошло с тех пор уж лет немало,
Но сердце стонет и болит,
Как вспомню подвиг Ленинграда,
Что наш народ в блокаду совершил.
В войну мне было лет семнадцать,
И я молоденький совсем,
Но горечь бед познал я рано,
Воспринял всё, как свой удел.
Мы до последнего сражались,
И, зубы сжав, чтоб не стонать,
Мы за блокадный город бились,
Где тысячами пришлось погибать.
Страдали все, детишки гибли,
Прозя у мёртвой мамы есть,
А холод сковывал всё тело,
Всех нам страданий и не счесть.
Прошло с тех пор уж лет немало,
Кошмар мне снится тот опять,
Как голод, холод и бомбёжки
Отняли жизни у ребят.

*Кирилл Востриков
с. Троицкое*

Тетрадь

Однажды я нашёл тетрадь в старинном переплёте
И на обложке прочитал: «Дневник малышки Моти».
Сначала просто я читал, не вдумываясь в строки,
Затем как будто я попал в далёкие те годы.
Передо мною Ленинград – разруха, страшный голод,
Бомбёжки, пули там свистят и всюду жуткий холод.
Ни обогреться, ни поесть в блокадном Ленинграде,
Дрожа, рука сжимает лист исписанной тетради.
Я представляю день за днём ужасные мученья,
Три долгих года под огнём, и нет от них спасенья.

Я слышу плач детей, прижавшихся друг к дружке,
И вместе им чуть-чуть теплей, хоть в инее макушки.
Весь город был словно в аду: везде лежали трупы.
За что? Никак я не пойму даны им эти муки?
И обрывается дневник неоконченной строкою.
Седая смерть дитя взяла в небесные покои
И детский плач мне долго будет сниться
Той девочки, которая могла бы веселиться.
Сегодня много говорят о страшной той блокаде,
Ведь люди помнят 900 дней в сожжённом Ленинграде.
*Анастасия и Дмитрий Лех
с. Троицкое*

Памяти детей блокадного Ленинграда

Целый месяц в пути, тридцать дней на колёсах
Ленинградских малюток в Сибирь к нам везли.
И теплушка для них была домом походным,
А им было всего - то от двух до пяти.
Ни еды, ни лекарств и ни тёплой простынки,
А порой не хватало хлеба, воды.
Уповали на чудо, теплилась надежда,
Что детишек спасут от двух до пяти.
Не спасли, не смогли, уберечь не сумели,
Хоронили их наспех, не поставив кресты.
Ленинградские матери даже не знали,
Где последний приют их малютки нашли.
А потом долгий путь до глухой Боровлянки,
Где промёрзший барак, нары, сильный мороз.
Крошки стойко несли свой крест, как солдаты,
А в итоге их ждал сельский погост.
Им сельчане тогда, чем могли, помогали,
Кто картошкой, капустой, горстью муки.
Они тоже в войну всей семьёй голодали,
Хоронили детей своих и чужих.
С каждым днём угасали блокадные детки,

Умирали на нарах от дома вдали,
88 умерших здесь остались навечно,
А им было всего-то от двух до пяти.
Время быстро летит, и стираются даты,
Но останется с нами острая боль.
Как героев, мы помним детей Ленинграда,
И пускай в память их горит Вечный огонь!

*Кристина Демьяненко
с. Троицкое*

Осень на кладбище

О братской могиле память жива!
Осень на кладбище – проливная пора.
Блокадные дети в сибирской земле.
Чем они виноваты в страшной войне?
Детские муки нам не понять,
Сегодня о них будем мы вспоминать.
Памятник в камне воздвигли мы им,
В честь о тех, кто погиб молодым.
Мы помним, цветы на могилы несём,
Пусть они детям будут Вечным огнём!

*Наталья Хлюст
с. Боровлянка*

Память жива

История помнит, как в тяжкой блокаде
Люди влачили суровые дни в Ленинграде.
Враг в город стремился – не вышел парад,
Не покорился врагу Ленинград.
Враги бесновались, но город держался,
Но город трудился, но город сражался.
Неприступный злодею заслон сотворил.
Симфонию там Шостакович творил.
Пылало огнем ленинградское небо,
И не было больше ни соли, ни хлеба.

В домах зимой не было больше тепла,
Река лишь Нева через город текла.
В затишье ходили к реке за водой,
Была она людям питьем и едой.
И падали бомбы на город, как град,
Но жил, не сдавался врагу Ленинград.
В те трудные дни были люди в ответе
За то, чтоб в кошмаре том выжили дети.
По Ладоге в ночь, презирая беду,
Их вывозили по тонкому льду.
Шли эшелоны в российскую ширь,
Груз бесценный везли на Урал и в Сибирь.
Вот так и сложилась судьба непростая:
Детей приютили у нас на Алтае.
В селе Боровлянка был детский приют,
Где пытались создать им покой и уют.
Давно уж блокадные дни миновали,
Но временем души излечишь едва ли.
Опять на Авроре, как прежде, «бьют склянки»,
По-прежнему крейсер на вечной стоянке.
Опять над Невою небес синева,
Но высказать горе найдутся ль слова.
В земле боровлянской могилы, могилы...
Пускай берегут их небесные силы.
Нетленные души теперь на том свете –
Не все смогли выжить блокадные дети.
Я не был, друзья, никогда в Ленинграде,
Но память храню о жестокой блокаде.
Сейчас наступила иная пора,
И город теперь носит имя Петра.
Цветут на Алтае лесные полянки.
Быть может, кто помнит село Боровлянку?
Пусть ей в благодарность найдутся слова.
Я знаю и верю: память жива!

*Александр Башкатов
с. Озеро-Петровское*

Слово к сыну

Серой муки грубый помол,
Маленький хлеба кусочек,
В городе холод, голод, измор:
«Кушай, что есть, сыночек.
Наш Ленинград оккупировал враг,
Ломится немец проклятый!
Нам тяжело, а на фронте сейчас
Вдвое труднее солдатам.
Взрывов не бойся, сыночек, поверь:
Скоро закончатся беды.
Грянем «Ура!» и услышим салют
И звонкую песню Победы!»

*Дарья Кошелева
с. Троицкое*

Детям блокадного Ленинграда

У каждого из нас своя дорога,
У каждого – своя судьба.
У каждого была своя потеря,
У каждого – своя беда.
Своя беда случалась в доме каждом,
Свои потери каждый город нес,
Когда война стучалась во все двери,
Блокадных ребятишек поезд вез.
Вез из Ленинграда на Большую землю
Голодных, изможденных и больных.
Им было многим чуть побольше года,
Им всем хотелось очень жить...
И вот Алтай, село Боровлянка.
Тупик. И стук колес затих.
Когда вагона дверь открылась,
Заголосили женщины навзрыд.
Здесь шла борьба за каждого ребенка,

Сибиряки старались всем помочь,
Но многих деток болезни одолели,
И боровлянский принял их погост.
Прошла война, закончилась блокада,
Но память нас взывает в тишине.
Я так хочу, чтоб жили в мире дети
И ничего не знали б о войне.
Не нужно войн ни старикам, ни детям,
Не нужно боли, голода и слез.
Как хорошо проснуться на рассвете,
Смотреть на солнце, слушать шум берез!

*Татьяна Горлова
с. Троицкое*

Мы помним!

Я родился в счастливое время,
О войне лишь по книгам узнал.
Как Москву, Ленинград отстояли,
Народ выдержал страшный удар.
С сорок первого по сорок пятый
Наши деды сражались в огне,
Свои жизни отдали солдаты.
Страшно даже представить во сне.
Под танки с гранатой бросались,
Но Ленинград не отдали врагу,
Погибали, чтобы дети смеялись.
Перед ними мы в вечном долгу.

*Никита Каменев
с. Троицкое*

Зажгите свечи в нашу память

Вы на могилу к нам пришли,
Чтоб вспомнить и цветы поставить.
Мы рано в мир иной ушли -
Зажгите свечи в нашу память.

Когда - то были мы детьми,
Веселыми и озорными.
Хорошими могли бы стать людьми,
Если остались бы живыми.
Но злая черная война
Жизнь в одночасье изменила,
Все исковеркала она
И даже нас не пощадила.
Мы пали жертвами войны,
Жестокой, долгой и кровавой,
Были голодны и больны -
Смерть забрала рукой костлявой.
Не видеть нам красы полей,
Не любоваться нам закатом,
И в небе стаи журавлей
Не провожать долгим взглядом.
И за столом нам не сидеть
В семье большой и сердцу милой,
И песен радостных не петь,
Не видеть матери родимой.
Без нас идут земные дни,
Без нас гремит салют Победы.
Мы в вечность перешли детьми.
За нас отместили отцы, деды.
Без нас живет наша страна,
Закаты гаснут и рассветы,
А на могилах – тишина.
Неведомы теперь нам беды.
И души обрели покой,
Оставив все дела земные.
Любовь к родным мы унесли с собой
В обители небесные, святые.
Вы вспоминайте чаще нас –
Ведь мы когда-то тоже жили.
Молиться будем мы за вас,
Чтоб вы здоровыми все были.

Чтоб ужас и кошмар войны
Вас не коснулись никогда,
Чтоб были в мире все дружны
И жили счастливо всегда.

*Надежда Лямкина
с. Усть-Гавриловка*

Ребёнок – крошечное чудо

Ребенок – крошечное чудо.
Мать волоску не даст упасть
И птицей виться над ним будет,
Тем освящая детства власть.
Росинкой, капелькой, алмазом
Ему сиять в родных руках,
Жить на свободе, без приказов,
С улыбкой неги на устах.
Хватает солнца, игр и хлеба,
И красоты хоть отбавляй,
Невы и голубого неба –
Благословенный детский рай.
Но мир, налаженный любовью,
Где рос он в холе и в тепле,
Окрасился багровой кровью,
Стал адом на родной земле.
Без помощи и без опоры -
Уже нет рядом милых рук,-
А только самолетов своры
И цепь невероятных мук.
Как изощренно и бездушно
Безумствовали изуверы
В слепом желанье все разрушить,
В жертву отдав народ и веру!
Пристанища по всей стране
Для мучеников-крох искали.

В венцах из терний, жизнь – войне,
Ангелами пред Творцом предстали.
Но сердце безутешно стонет,
И боль не тише оттого,
Что не изменишь ничего...
А скорбь и в Вечности не тонет.

*Людмила Фельдбуш
с. Ельцовка*

Враги

Как много в нашем мире есть сторон,
Которые достойны восхищенья.
Но не забудет мир ту оборону,
И вечным, вечным будет изумленье
Перед великой стойкостью твоей,
Великий город! Ленинград Великий!

Какое варварство ты пережил в войну,
Что также названа была Великой,
Когда поставил враг в ружьё страну,
Мечтая превратить её в безликую,
Покорно рабью вотчину свою,
А град Петров стереть с лица земли.

Властолюбивый фюрер пренебрёг
Уроками другого властелина,
Кровавый путь направил на восток-
Ведь на крючке амбиций был детина.
Поэтому презрел предупрежденье
Идей заложник, бесноватый фюрер.

«Nach Osten!» -- брошен был вандалов клич.
Повержен был уже Париж бессмертный,
Над всей Европой занесён был бич

Орды сатрапов, распоясанных победой!
Была красавица Варшава предана
Безжалостной бомбёжке и разору.

Да что Варшава! Родину свою
Не пожалели варвары ни на йоту!
В огне пожарищ гибли, как в бою,
И Томас Манн, и Гейне, и великий Гёте,
И Кант, и Шиллер, Анна Зегерс с ними.
Сородичам был первый кнут.

Триумфом завершив тридцатые года,
Уверенно вошли в сороковые.
План «Барбаросса» был готов тогда.
Для русских замыслы те были роковые,
Но стали роковыми для хозяев:
Пришлось им пожинать плоды «трудов безумных»

Но это позже, а пока... пока...
Россию обложили, как медведя,
В берлоге спящего. Отборные войска
Рвались к обманчиво сомнительной победе.
Предусмотрев намного всё вперёд,
В успехе ни один не сомневался.

Да, всё, казалось, было протии нас
И под Москвой, и Курском, Сталинградом.
Финляндия под боком. Там Кавказ...
Пучина ненависти к Ленинграду...
Петра Великого к великому творенью
Проявлено особое вниманье.

На фотографии-глаза ребёнка,
Огромные, недетские глаза.
Большая голова на шейке тонкой,
Из бездны дней всплывают голоса.

Чуть слышно и беспомощно упрямо:
«Мы жить хотим. Спаси нас, мама!»

Так можно ли простить все злодеянья:
Освенцим, Краснодон и Бухенвальд?
Не мучило безбожников раскаянье,
Без состраданья убивали Ленинград.
Мать же, спасая хоть одно дитя,
Себя казнила, не кормя другого.

И сколько ж сил положено тобой,
Солдат моей страны родной!
Ты беспримерный подвиг совершил,
Ты вынес бой с фашизмом и на охрану мира
Встал с мечом в руках в стране чужой,
Чтоб неповадно было чужеземцам
Забыть уроки Второй Мировой.

*Людмила Фельдбуш
с. Ельцовка*

Дети Ленинграда

Увозили ленинградских ребятишек,
Увозили от блокады и войны,
Обессиленных девчонок и мальчишек,
Наказанных судьбою без вины.
Их завезли в далекий край,
Где не был слышен визг осколков,
Гул самолетов и зениток лай,
Лишь шепот березовых колков.
Но все-таки детишек тех война
И в глухомани лапою достала.
Силенок детских, выбранных до дна,
Чтоб жить, для многих не хватало.
Есть у людей соленая вода.
Она порою просится наружу,

Плотину век рвет без труда,
Когда всю душу обволакивает стужа.
У многих взрослых в те года
Сердца кололи кромки льдинок,
Ведь это ж жуткая беда:
Копать могилки для малышей.
А дети, выжившие из войны,
На полку старости сложили луки,
Их дети дожили до седины,
И в жизнь большую разлетелись внуки.
Но память памятью и есть.
Прожитому забвения не будет,
Пока есть совесть, будет честь,
До той поры мы будем люди.

*Владислава Косарев
с. Троицкое*

Птахам Ленинграда

В глубь веков история уходит,
Технологии меняют 21-ый век.
Ускорение с ума нас сводит,
Изменился, усложнился человек.
Жизнь спешит, сюрпризы преподносит,
Нет числа проблемам и заботам.
Всё же ветер памяти приносит
Мысль о том, что из истории мы родом.
Историческая память нынче
Обратилась к самой лихой странице:
К дням блокадным, сходным с линчем.
Умерших детей всплывают лица.
23-ый день календаря, год 42-ой.
Октябрь на дворе. Боровлянка.
В этот день в алтайское село,
Многолюдное, богатое тогда,
Привезли блокадных малышей,

Лихолетье их забросило туда.
Причитали женщины и душу рвали,
Глядя на великое страданье,
А подростки, закусив губу, молчали,
Сдерживая слёзы, страх, рыданье.
Маленькие дети, птахи Ленинграда,
Жались друг ко другу, жили лишь глаза.
Утешала жителей малая отрада:
Не было бомбёжки. Всё ж лилась слеза.
Помогали деткам выжить боровлянцы,
Отрывая крохи и душу от себя.
Смерть же поджидала: новобранцы
Таяли, как сальная свеча.
Что ни день, то умирал здесь кто-то,
Другие мучились в бреду,
Не спасала умиравших и забота-
Жизнь в посёлке протекала, как в аду.
По ночам метели выли сильные,
Навевая неизбывную тоску.
Боровлянцы плакали в бессилии,
Проклиная Гитлера, войну.
Стали детки Ленинграда всем родными,
Образ их пусть в монументе оживёт.
Вижу лица их печальные, живые
Из гранита проступившие вперёд.
Пусть аллея зашумит над ними,
Пусть весной расцветут цветы,
Наша память пусть же будет с ними,
Пока живы, будем помнить мы.

*Раиса Клочкова
с. Троицкое*

Топ-топ, топал бы малыш

Топ-топ, топал бы малыш
С милой мамой по дорожке,

Голубей кормил бы с крыш,
Солнца лучики ловил бы он в ладошки.
Почемучкой мог бы стать,
Сто вопросов в день задать:
«Как луну с неба достать?
Почему ночью нужно спать?»
Война нависла бедою над страной,
И детей Ленинграда вывозили зимой.
Занесённые снегом полустанки мелькали,
Мало света, тепла и еды в дороге видали.
В Боровлянке приют наконец-то нашли,
Но глаза малышей полны взрослой печали:
Нет в бараках тепла и еды,
Но дети не плакали, обречённо молчали.
Не прижаться телом к маме родной,
Не согреться теплом и от печки.
И горели их жизни одна за другой,
Как сгоревшие трепетно свечки.
Блокадные детки, птенчики-крошки,
В иной мир протоптали дорожки,
Словно солдаты в вечность ушли:
Низкий вам, дети, поклон до земли.
В годы войны я ребёнком была,
Лиха и горяхватила сполна,
Может, потому осталась и жива,
Чтобы за погибших я молиться могла

*Валентина Мадонова
с. Троицкое*

Плач

На кладбище в посёлке Боровлянка
Могилки заросли бурьяном и травою,
Лишь трели соловья там спозаранку
Прольются над спящей в земле детворой.
Омытые слезой недетской боли,
Одетые в одежды сиротства,

Прожили они миг или чуть долее,
Пройдя путь из Ленинграда до погоста.
Войны смерч пронёсся над землёю,
Перемешалось горе с плачем и бедою,
Текла Нева, окрашенная кровью,
И серый пепел рассыпался мглою.
Скорбящими, голодными глазами
Дети на страшный мир смотрели.
Мороз холодными окутывал струями,
Понять мир этот дети не умели.
Дрожащими телами к нарам льнули,
И ручки к матерям своим тянули.
Им вспоминалось детство их счастливое,
Вся нежность мам с улыбкой милою,
Игрушки, хлеба вволю и плоды садов,
И руки сильные родных отцов.
Хлеба, тепла хоть чуть просили,
А их травой-лебедой кормили,
Но люди, что могли, им приносили.
Для жизни не осталось у них силы,
Умерших уносили на погост.
Вместо детей лишь холмики надгробья,
Да крестик охранял, стоя в сугробе,
И укрывало небо, зажигая свечи звёзд.
Чтоб их помнили, не хватитobelisksов,
Нам лучше воздвигать за них молитвы,
А если вдруг случится скорбный час,
Они перед Господом помолятся за нас.

*Анна Шалаева
с. Троицкое*

Дети войны

Детей блокадных в годы лихолетья
От войны увезли в лесную глушь.
Где так холодно солнце светит.

Где воистину царство стуж.
Где-то в деревне лают собачки,
По углам барака слышен плач,
Никакой съестной нет подачи.
На всех – один серый калач.
В голодной тоске уснули дети,
И снится им счастливый сон:
Мама, как солнце, лучами светит,
В сердце льётся радостный звон.
– Мама, мамочка!?
– Что, родной?
– По тебе я тоскую и плачу,
И только с тобою жить хочу я,
Ты забери меня с собой.
На губах застыла улыбка:
Ночью кто-то из них перестал жить.
Громче плачь, соловьиная скрипка,
Утром многих детей унесли хоронить.
Не познали в просторах снежных
Они ласку сильных отцовских рук,
Материнских объятий нежных,
Только сердца скорбящий стук.
Над могилами вьюга шумела,
Тёмный лес колыбельную пел,
Осенью с ветром листва шелестела,
Весной песнь свою рассыпал соловей.
Так зажгите же тысячи свечек
За умерших блокадных детей,
Пусть горят они целую вечность
По молитвам скорбящих людей.

*Анна Шалаева
с. Троицкое*

Сильные дети Ленинграда

Какие сильные дети были на войне!
Какой красивый мир они подарили мне!

Какой долгий путь они прошли для нас,
Проливая слёзы из своих недетских глаз.
Дети войны! Спасибо вам за наши жизни:
Ведь вы спасли нас от войны.
Мы вечно вас благодарим
И вам спасибо говорим!

*Таня Ильенко
с. Троицкое*

Детям Ленинграда

Все живо: старые мосты,
Неповторимость Ленинграда,
Деревьев желтые листья
В ажурных кованых оградах.
Над этой дивной красотой
Война прошла кромешным адом.
Здесь слава города и боль,
И страшная беда – блокада.
Мишенью в солнечных лучах
Собор Исаакия сияет.
Святыню «мессеры» бомбят,
И снег кровавый скорбно тает.
Поток измученных детей -
Неизмеримые страдания.
Железом, голодом, огнем -
За что им эти все страдания?
Детей по Ладоге везут.
Измучены, полуодеты.
Свистит снаряд, еще снаряд.
И гибнут дети, гибнут дети.
А выживших, полуживых,
Испуганных: а где же мама?
Ночами долгими везут:
Не обнаружила бы «рама».

Шли эшелоны за Урал,
За Каму, на Алтай, за Волгу.
Кто был постарше, тот мечтал
Вернуться в свой любимый город.
Спасение уже вот – вот.
Страна им в жизнь дает билеты.
Блокада, голод вслед идут.
И гибнут дети, гибнут дети.
Восемьдесят восемь в земле лежат
В лесной далекой Боровлянке.
Здесь в память их плита и крест
На тихой солнечной полянке.

*Надежда Дуплинская
п. Гордеевский*

Ленинградские дети

Ленинградские дети – невинные жертвы фашизма.
Ленинградские дети умирали в блокадном аду.
Ленинградские дети, пусть вам поклонится Отчизна.
Ленинградские дети, я память о вас сберегу.
Много лет уж прошло, но вы постареть не успели,
Вы не поняли даже, какие невзгоды прошли.
Чтобы нам мирно жить, вы лишения претерпели.
Умирали не сразу, вы страшные муки несли.
Ленинградские дети – несчастные жертвы блокады.
Ленинградские дети, мы все о вас помнить должны.
Ленинградские дети. Обелиски вам ставить бы надо,
Чтобы ныне живущие к ним приносили цветы.

*Ольга Сторожилова
с. Троицкое*

Дикие гуси

Дикие гуси кричали в сумрачном небе,
С грозного севера рвались на пламенный юг.
Люди опять сражались: пожары и беды,

Вновь зарядили оружие, бросили плуг.
Люди стреляли из пушек и ружей.
Злобно кололи друг друга в лесах.
Бой без причины зачем-то им нужен.
Глядя на зверства, маялся Бог в небесах.
Русские с немцами бились под Ленинградом,
Рвали зубами, душили руками всерьёз.
Жизнь перестала быть главной наградой.
Смерть и страдание – это совсем не вопрос.
Люди кричали, а их разрывало на части.
Горько рыдали, вмерзая в пронзающий лёд,
Сами создали гору из бед и несчастий.
Люди иль нелюди? Кто их, безумных, поймёт.
В дыме пожарищ сгорели поля и селенья,
В лицах животный, безудержный страх и испуг.
Дикие гуси кричали в сумрачном небе,
Тщетно пытаясь прорваться на пламенный юг.

*Владимир Поединкин
с. Троицкое*

Детям - блокадникам

Город враги вокруг обложили
И методично его бомбили.
Бесы в Берлине мечтали
Справить кровавую тризну.
Господи, как же мы жили,
Плача в промерзших квартирах!
За все, что мы испытали,
Наградой была нам жизнь.
Странною вышла награда,
Словно усмешка неба.
Падали детские слезы
В нашем безумном мире:
Выжить в смертельной блокаде
Часто совсем без хлеба,

В ужасе страшных морозов...
И умереть в Сибири.

*Владимир Поединкин
с. Троицкое*

Дети блокады

Ленинградские мосты...
Не смолкают зенитки, бомбёжки...
Ни еды, ни воды.
Только голод и трупы кругом.
Жизнь как будто извне –
Ни собак не увидишь, ни кошки.
Лишь плетутся к Неве,
Словно призраки, люди гуськом.
Полумёртвых детей
Отправляли из ада блокады,
Чтоб спасти поскорей,
Их везли на восток от врагов –
За Урал, на Алтай,
Только дети дороге не рады...
Боровлянка, встречай,
Исцеляй от болезни оков.
Разбросало войной
Малых крошек по нашей Сибири.
Их спасали страной,
Понимая, в ответе вдвойне...
А они, без родных
Выживая, как взрослые были.
И поныне у них
Все кошмарные сны о войне.
Кто не смог пережить
Истощение, холод, дорогу,
Оборвав жизни нить,
Уходили невинными в рай,
Умирали в ночи –

Уносили их ангелы к Богу...
У горевшей свечи
Словно слёзы текли через край.
Не прошло до сих пор
Это страшное чувство потери.
Словно чей - то укор,
Ленинградским осадным дождём
У последней черты,
Отворяя священные двери,
В нашу память стучит,
Где Дорогою жизни идём.

*Анна Светловская
г. Новоалтайск*

Кто жив, а кто далече...

Вечернею зорькой им пели зорянки
И плакали ангелы скорбно над ними,
И люди, что им вместо мам в Боровлянке,
И чёрные тучки, по небу гонимые.
Не видеть им солнца, и нет уже детства,
Лишь горькая память о них в постаменте...
Проклятья войны. Ну, куда от них деться?
Потерями ранят на траурной ленте.
В нас бьются сердца, словно гул канонады.
И больно, так больно, что сердце сдавило:
Блокадные дети вдали Ленинграда.
Кто выжил – на всё Божьей волею сила.
Сильны верой, духом, святым Днём Победы –
На Родину многие вновь возвратились.
Извели много бабушки, деды,
Проведшие детство в далёкой Сибири.

*Анна Светловская
г. Новоалтайск*

Маленькие дети Победы

В городе бомбёжки, холод и смерти,

Хлебушко, как слизистая гниль,
Вдаль от окаянной круговерти
Деток за Урал везли в Сибирь.
Чудом сохранились в Ленинграде:
Пили немудрёный с «таким» чай,
Больше года прожили в блокаде,
Дал приют малюткам тем Алтай.
Дать-то дал, еды всем не хватало:
Шла кровопролитная война.
В помощь фронту с самого начала
В жертву приносила всё страна.
И детишки были, как скелеты,
Слабый свет струился из глазниц.
Жаль, что не дожили до Победы,
Ангелами в небо вознеслись.
«Сироты, беспомощные крохи, -
Плачу над могильною плитой».
Жизнью заплатили злой эпохе,
Чтобы жили мы с тобой.

*Светлана Фролова
г. Новоалтайск*

Памяти ленинградских детей

Забуть бы я была об этом рада....
Прошли года, то было не вчера.
Но в памяти блокада Ленинграда –
Тяжёлая военная пора.
Прекрасный город стал таким холодным.
Он души и тела не согревал.
Вставал ребёнок маленький голодным
И на глазах у взрослых умирал.
Тогда решили всех детей, спасая,
В алтайское село к нам переслать.
Отправили, слезами обливая,
Но не вернулись многие назад.
Хотя детишек подлечить старались,
Костлявая с косой была сильней.

И на земле Алтая оставались
Могилки этих маленьких детей.
Сейчас они бы старенькими были,
Смотрели бы с любовью на внучат,
В колясках милых правнуков возили,
Но многих не вернуть уже назад.
Навек они остались молодыми,
По небу с ними ангелы летят
И крылышками нежными своими
Других детей от смерти защитят.

Галина Плотникова
г. Новоалтайск

Зажгите свечи в нашу память

Зажгите свечи в нашу память, как в храме Божьем у икон.
Пусть воск, сбегая, будет таять, как слёзы под ребячьим лбом.
Зажгите свечи в нашу память, почтите наши имена.
Самим нам свечи не поставить – с собою забрала война.
Сначала голодом морила и убивала наших мам.
Нам с ними б быть, но Божья сила велела жить на свете нам.
И мы страдали, сколько было у нас силёнок. Вот беда...
Подальше, на задворки тыла, везли детишек поезда.
И пережив уже блокаду, попав из ада в детский дом,
Подобно с яблонь листопаду мы затихали... и бегом,
Бегом по яркому туннелю, туда, где мама и весна, бежали.
Птицы в небе пели. Для нас закончилась война.
Зажгите свечи в нашу память, а мы на вас, глядя с небес,
Свою Отчизну будем славить за память вашу и свой крест.

Лариса Матюшова
г. Новоалтайск

Боровлянка

Я много езжу по Алтаю: мне этот край так интересен.
Я здесь с надеждой открываю чудесный мир, мир новых песен.
В названья сёл вникать пытаюсь: Сосняк, Берёзки, Повалиха,
По именам тем представляю людей, что там живут, их лица.
Живёт деревня небольшая с названьем чудным Боровлянка.
Недавно про неё узнала, мелькнуло в рифму вдруг – землянка.

Но тут в газете вижу строки: «Зимой, в войну, из Ленинграда, Вот в этот край земли далёкой доставили детей блокадных. Здесь деток обогреть пытались. Не всем им повезло, к несчастью, Для многих крошек так остались могилы кровом от ненастья. Потом и тайна прояснилась, что нет там никаких землянок. И широтою всей раскрылась душа обычных россиянок. Поклон низжайший этим людям, что в трудный час плечо подставят. Так было, есть, надеюсь - будет: ведь с нами Бог, Он не оставит. «Зажгите свечи в нашу память», - детей умерших голос слышен. Потомкам мы должны оставить дар памяти, нам данный свыше.

*Елена Комардина
г. Новоалтайск*

Жила-была девочка

Тяжело переставляя ноги, бредёт по блокадному Ленинграду Анна Сергеевна, прижав к груди кусочек пайкового хлеба в 125 граммов. За юбку цепляется пятилетняя дочка в толстом неуклюжем платке, повязанном крест - накрест и стянутом на спине тугим узлом. Жуткий холод пробирает до костей промёрзшие и исхудавшие тела. Зима пришла в пригород Ленинграда как-то быстро и неожиданно сразу с лютыми морозами. Они спасались от бомбёжки и теперь возвращались в свой дом, единственный уцелевший в округе.

– Сейчас придём. Потерпи, доченька, – чуть слышно говорила женщина посиневшими непослушными губами. Вдруг она резко остановилась и, едва подняв руку к сердцу, рухнула на землю. На месте их бывшего дома зияла огромная воронка.

– Мама, мамочка, вставай, – теребила тело матери Света. Из глаз её лились слёзы, замерзая на холодном ветру, они превращались в маленькие льдинки. Девочка склонилась, прижалась к матери, чтобы стало теплее. Высвободив ручонки из платка, Света гладила лицо Анны Сергеевны, пытаясь отогреть её своим дыханием. Нащупав кусочек хлеба, она обрадованно зашептала:

– Сейчас, сейчас я тебя покормлю, и ты встанешь. Света старательно и аккуратно отщипнула крохотный кусочек. Губы женщины

были сомкнуты так плотно, что хлебушек скатывался в снег. Девочка сползала за бесценным богатством. Подбирала крохи и вновь пыталась накормить мать. Прикоснувшись к её щеке, она почувствовала леденящий холод.

– Ты совсем замёрзла, вставай, мама, – плача, звала дочка. – Ты же знаешь, мама, как я боюсь оставаться одна. Мне страшно, мама. Над головой девочки пролетали немецкие самолёты, слышался страшный вой сирены воздушной тревоги. Где-то неподалёку рвались фугасные бомбы. Дрожала, гудела и вздымалась фонтаном земля. Замерев от страха, малышка притаилась у тела матери, которое уже совсем не грело. Скоро всё стихло. Тёмная ночь опускалась на город. Далёкие холодные звёзды слабо освещали землю. Иногда медленно скользили по округе лучи прожекторов. Обессилен окончательно, Света прижалась к огромной глыбе земли. Обламывала мёрзлые кусочки - крошечки, посасывала хлеб. Подобрал под себя ноги, пытаясь хоть как-то согреться, девочка сжалась в комочек...

Она не помнит, как оказалась в вагоне среди многих таких же обессиленных детей. Очень болели губы. Их трудно было разжать, чтобы проглотить ложку горячего чая, которым их поили в пути. Света лежала на лавке, не чувствуя своего тела. Она редко открывала глаза. Тяжёлые, непослушные веки не повиновались. Её слух улавливал перестук колёс, негромкие голоса людей. Девочка часто слышала непонятное слово «Алтай». В забытьё или во сне часто видела маму, бабушку и папу. Света бежала к ним, раскинув руки для объятий. Они ласково улыбались ей. Было светло и радостно в их любимом парке, где они гуляли когда-то. Огромное синее небо, изумрудная зелень, щебет птиц, весёлый смех детворы звали к жизни. Так славно было без войны на земле! Так хотелось жить рядом с друзьями и родными. На Свете было её любимое пышное розовое платье, в волосах огромный бант. Она всё бежала и бежала, ощущая себя самой счастливой девочкой на планете. Тёмная мгла поглотила тело ребёнка уже на рассвете, когда поезд прибыл на конечную станцию. Мучительной и долгой была смерть маленьких ленинградцев, похороненных одновременно со Светой. Это незаживающая и кровоточащая рана – светлая и святая память потомков.

Последнее пристанище Светы на Алтае заботливо ухожено. Серебристые ландыши скромно украшают табличку с надписью:

«Другие увидят солнце, будут петь и любить.

Может быть, и вспомнят, как мне хотелось жить».

Но сколько же ещё их, ослабленных, истощённых до предела, приняла в себя алтайская земля! Дети умерли, не поняв того, что с ними случилось. Ведь многим было по два - три годика. Они не успели порадоваться светлому дню, яркому солнцу, цветам и птичкам, не успели поиграть в детские игры и прочесть хорошие книги. Они умерли, так и не став взрослыми. Сейчас их возраст был бы весьма почтенный. У них были бы взрослые дети, внуки и правнуки. Но этого уже никогда не будет.

Мы склоняем головы перед обелиском в память об этих детях. Но они не ушли бесследно. В анютиных глазках, незабудках и васильках мы видим цвет их глаз. В тихом шелесте слышим их лукавый шёпот, рассказывающий по секрету на ушко маме о детских проделках. Слышим их звонкие песни в трелях жаворонка. Глядя на цветущий луг, представляем их в платьицах. Они в памяти людей, они в их сердцах и поэтому живы! А под мирным небом на земле живут другие дети. Они поют песни и читают книжки, которые не довелось спеть и прочесть детям блокадного Ленинграда. У этих детей похожие глаза и волосы, добрые, светлые улыбки. Жизнь продолжается! Будьте счастливы, дети! И помните тех, ценой чьих жизней завоёвано ваше счастье.

Наталья Реброва

г. Новоалтайск

Посвящение блокадному Ленинграду

Стремилась немцы «задушить» блокадой

Красивый город, созданный Петром.

И в ставке фюрера твердили дату,

Когда он сдастся, сдавленный кольцом.

Бродила смерть с безжалостной косою,

Исправно навещая каждый дом.

И не было ей дела, что порою

Лишь горький плач в ушах стоял потом.

Шквал огненный обрушивался с неба,

И вой сирены стал привычным всем,
Людьми ковалось оружие Победы...
Маневры Кюхлера терпели крах совсем.
Жил Ленинград назло коварным планам,
Деля паёк блокадный на семью.
Хлеб суррогатный стал обедом главным,
Все крошки были учтены в паю.
Как выстояли взрослые и дети?
В историю вошли те времена.
И пусть не будет больше на планете
Голодной детской смерти никогда!

*Антонина Гринюк
г. Новоалтайск*

Дети блокады

Дети блокады – странные дети,
Если их встретишь, сразу заметишь.
Глаза у них цвета глубокой печали,
Но лица улыбки дарить не устали.
Хоть горю учились они по слогам,
Знали о доме по детским домам.
Дети блокады – странные дети –
Их не понять их же собственным детям.
Гость на пороге, в доме всё есть,
Требуют: всё, что в тарелке, доесть.
А не доел, про запас оставляют,
Выкинуть в мусор еду запрещают!
Дети блокады детства не знали,
Только родились – взрослыми стали.
В серых шинелях снятся им папы,
С ликом святых, словно девочки, мамы,
Что не поют колыбельную с неба,
Но отдают свою паечку хлеба.
Дети блокады – странные дети,
Нет им подобных на всём белом свете!
Дети блокады – добрые дети.

Их уж почти не осталось на свете.

*Генриетта Орлеанская
г. Нью - Йорк*

За эту память мы в ответе

По Ладогe, едва покрытой льдом,
Была проложена «Дорога жизни».
Страшась обстрелов и с большим трудом,
Машины шли с упорным героизмом.
Стремясь живыми довести детей,
Людей роднило общее стремленье.
Избавить от расстрелянных ночей,
Где жизнь сводила счёты за мгновенье.
Затем поездами везли на Алтай,
Голодных, больных ребятишек,
Где горя было тоже через край,
В еде и вовсе не было излишек.
Но жители встречали малышей
В боровлянском небольшом селенье,
Услышав шёпот: «Мамы нет моей», –
Женщины рыдали от волнения.
Не выдержав тяжёлых мук войны,
Свече подобно угасали дети,
Внеся свой список в летопись страны.
За эту память мы всегда в ответе.

*Антонина Гринюк
г. Новоалтайск*

Детям блокадного Ленинграда

Под огнём и войны канонаду
Месяц шёл эшелон на Алтай.
В нём детей ленинградской блокады
В тыл везли в суровый наш край.
Не по силам тяжёлая лямка:
Голод, хворь – умирали в пути.
Часть попала в село Боровлянку,
А им было от двух до пяти.
Помогали детишкам всем миром,

Кто едой, кто настоем травы,
Кто картошкой и даже крапивой,
Но спасти не смогли детворы.
Память местных людей - старожилов,
Несших груз беспросветных тех дней,
На колхозных полях рвавших жилы,
Всё хоронит блокадных детей.

*Тамара Ермоленко
г. Новоалтайск*

Нить, связавшая душу страны с Боровлянкой

27 января – одна из важнейших дат Великой Отечественной войны: снятие блокады Ленинграда. День памяти 900 блокадных дней состоялся и в Боровлянской средней школе. Боровлянка давно и навсегда связана с Ленинградом невидимой нитью, об этом напоминают детские могилки на кладбище села и памятник всем умершим детям, привезенным сюда из блокадного Ленинграда.

Напад на СССР, фашисты по своему разработанному плану намеревались за считанные месяцы захватить нашу страну и говорили, что если Москва – это ее сердце, то Ленинград – душа.

Как человек не может жить без души, так и страна потеряет свой боевой дух, когда лишится Ленинграда. Поэтому один из основных ударов они направили на этот город с целью стереть его с лица земли. Но жители мужественно обороняли свой город. Мужчины и вчерашние десятиклассники стали солдатами, первыми создав армию народного ополчения. А женщины рыли окопы вокруг города. Солдаты устанавливали противотанковые укрепления. Началась эвакуация мирных жителей. Но, несмотря на героическое сопротивление наших войск, фашисты вышли к Неве, перерезав железную дорогу, связывавшую Ленинград со страной. Фашисты подошли так близко, что могли рассматривать наш город в бинокль. Они заняли Пулковские высоты, ежедневно по нескольку раз обстреливали и бомбили город. Чтобы предупредить жителей об арт-обстреле или налете вражеских самолетов, в городе объявлялась «Воздушная тревога», звучала сирена, и люди, взяв с собой самое необходимое, прятались в бомбоубежище. Чтобы как - то обезопа-

сить людей, предупредить их, на стенах домов делали надписи: «Эта сторона наиболее опасна при артобстреле».

Город Ленинград, а ныне Санкт - Петербург, еще называют музеем под открытым небом. Трудно представить его без граненых шпилей Адмиралтейства, Петропавловской крепости, Инженерного замка, без круглого златоглавого купола Исаакиевского собора. Они радуют глаз даже в ненастный осенний день. Но когда враг был так близко, эти яркие точки становились прекрасными ориентирами для вражеских артиллеристов и летчиков. Решили тогда их срочно замаскировать. Купол Исаакия и шпиль Петропавловского собора решили покрыть серой краской.

Многие памятники не успели снять с пьедесталов и спрятать. Тогда решили обложить их мешками с песком и обнести толстыми досками, как это сделали с памятниками Николаю I и Петру I.

Но бомбежки и артобстрелы были не единственной опасностью для жителей. Самым страшным испытанием стал голод. Продукты выдавали по карточкам. В пищу шло все: опилки, жмых, казеиновый клей. Снабжать город продовольствием приходилось довольно сложным путем. Его подвозили по железной дороге к восточному берегу Ладожского озера, а затем доставляли в Ленинград. Это был тонкий ручеек, лишь в малой степени удовлетворявший потребности ленинградцев. С приходом зимы трасса, названная «Дорогой жизни», стала проходить по льду. Первыми по ней пошли конные обозы с хлебом. А когда лед стал толще, продукты повезли на грузовиках. На обратном пути из города вывозили обессиленных ленинградцев и раненых бойцов.

Много трудностей подстерегало шоферов. Днем и ночью налетали на колонны с грузом вражеские бомбардировщики, артиллерия вела прицельный огонь. Часто лед трескался и машины тонули. На «Дороге жизни» хорошо знали шофера Максима Твердохлеба. В канун 1942 года он должен был доставить мандарины из Грузии детям на новогоднюю елку. Ехать пришлось ночью. Но фашисты не спали. Два «мессера» атаковали грузовик и изрешетили его пулями. Разбилось смотровое стекло, водителя ранило в руку, из машины повалил пар. Можно было выскочить из машины! Но как же детишки? Отважный шофер довел машину до берега, в ней потом

насчитали 49 пробоин. Но ленинградские дети всё же получили на новогодней елке мандарины. Всего 125 граммов хлеба получали жители Ленинграда в самые страшные голодные дни. Сейчас мы порой не едим хлеб совсем. У нас много другой еды. Но тогда, кроме хлеба, нечего было есть.

Многие жители не перенесли этой зимы. Они умирали прямо на улицах, в промерзших домах, падали без сил у станков. Дров тоже было очень мало. На топливо разбирали разбомбленные дома, мебель, книги. Но, несмотря ни на что, продолжали работать школы, библиотеки, театр. Блокада была прорвана 18 января 1943 года, однако, до ее полного снятия ленинградцам пришлось ждать еще целый год. За годы блокады погибло около полтора миллиона человек, хотя на Нюрнбергском процессе фигурировало всего 632 тысячи погибших. Только три процента из них погибли от бомбежек и артобстрелов, остальные умерли от голода. Пискаревское кладбище считается одним из самых крупных, где хоронили умерших от голода ленинградцев.

В Боровлянской библиотеке есть книга блокадницы Людмилы Пожидаевой «Блокада глазами ребенка», где она описывает не только свои детские ощущения страха, голода и холода в это время, но и иллюстрирует все свои записи рисунками. Мороз идет по коже, когда смотришь на эти рисунки. Актив школьного музея тесно сотрудничает с краевым обществом блокадников, по крупицам собирая сведения о детях - блокадниках.

Почетным гостем круглого стола была блокадница Нина Андреевна Смирнова. Она была эвакуирована сюда вместе со своим детским домом в октябре 1942 года:

– Я была еще совсем маленькой, когда началась война, но хорошо помню вой сирен и разрывы бомб, а еще голод. Когда наш детский дом привезли в Боровлянку, здесь тоже жили впроголодь, и мы также голодали, единственное – здесь не было артобстрелов. Но голод никого не щадил, и многие умирали от истощения уже здесь.

О том, что в селе Боровлянка был открыт памятник детям - блокадникам, знает вся Россия. До сих пор приходят письма блокадников и их родственников со всех уголков страны. Вот одно из таких писем: «Пишет вам из Санкт - Петербурга Т.Н. Ознобшина. Из со-

общений радио и телевидения мы узнали, что в вашем селе открыт памятник ленинградским детям. Моя соседка Тамара Ивановна Котова (Сафронова) была эвакуирована из Ленинграда в августе 1942 года в Боровлянку с 31-ым детским домом. Через два месяца Тамара Ивановна отметит свое 80 - летие. Это очень хороший, добрый человек с нелегкой судьбой. Она рассказывала мне о своем детстве, о годах, прошедших в эвакуации. Узнав о том, что жители вашего села помнят о ленинградских детях, о том, как создание памятника стало для всех общим делом, Тамара Ивановна была тронута до глубины души. Ей очень тяжело вспоминать эти трагические годы, потерю родных. Все переживания, связанные с нахлынувшими воспоминаниями, отразились на ее самочувствии.

В списке детей, эвакуированных в Боровлянку, она нашла не только себя, но и двух своих близких подруг по детдому – Серафиму Федотову и Тамару Осееву».

Глава Боровлянского сельсовета В.Е. Фомин отметил, что создание памятника детям-блокадникам объединило всех жителей Троицкого района:

–Я считаю, что мы сделали большое дело по увековечению памяти детей, эвакуированных к нам из Ленинграда. Скоро мы передадим это памятник Боровлянской школе, чтобы ученики его благоустроивали».

Затем участники встречи возложили цветы к памятнику детям блокадного Ленинграда, а на обратном пути заехали к блокаднице Наталье Федотовне Крахмалевой, сопровождавшей детей из Ленинграда в Боровлянку.

– Мне ведь нынче 89 лет будет, – говорит она. Я в свое время проходила курсы снайперов, когда приходилось во время стрельбы долго лежать на земле в мороз и дождь. Я просилась на фронт, но меня, хотя я очень хорошо стреляла, не взяли по состоянию здоровья.

Гости вручили Наталье Федотовне благодарственное письмо от военного комиссара Алтайского края С. Катрашенко в честь годовщины снятия блокады Ленинграда, а также цветы и подарки от администрации Троицкого района. Пожелали ей бодрости духа,

здоровья и сказали, что обязательно приедут на ее 90 - летний юбилей.

*Наталья Заболотина
с. Троицкое*

«Рванула на Алтай, чтобы увезти память о Боровлянке...»

– Во время эвакуации от обстрела с вражеского самолета меня спас матрос, укрыв меня своим телом, – рассказывает блокадница Вера Семеновна Малофеева. Она из поколения военного времени, к которому относятся фронтовики, труженики тыла, узники концлагерей и блокадники Ленинграда. Это поколение, опаленное огненным дыханием войны. Три года эвакуации она провела в Канске Красноярского края. После вернулась в родной город. В.С. Малофеева – председатель районного отделения региональной

общественной организации воспитанников детских домов блокадного Ленинграда, активно участвует в акциях в поддержку блокадников и детдомовцев, увлекается фотографией. В мае жительница Санкт-Петербурга посетила Боровлянку и Троицкое, где она побывала в школе, встречалась с учителями и учащимися.

Еще не изгладилась в памяти многих акция «Зажгите свечи в нашу память», посвященная детям блокадного Ленинграда. Итогом этой акции стало возведение памятника на Боровлянском кладбище в 2012 году. Родина, как могла, согревала малюток, вывезенных в разные регионы страны, и жители Боровлянки с сочувствием отнеслись к ним, старались помочь. Но тяжелые испытания, голод подорвали их здоровье, и многие из них умерли. С тех пор Боровлянка не раз принимала гостей, которые приезжали почтить память детей, похороненных на местном кладбище.

Вот и Веру Семеновну позвали в дальнюю дорогу память и чувство долга. Одна из встреч с ней состоялась в Троицкой централь-

ной библиотеке, где ей были вручены книги об истории с. Троицкого и Алтайского края, а также сборник стихов местных поэтов. Вера Семёновна рассказала о своей судьбе в годы войны, побеседовала со студентами АГППК. Так сложилось, что подвиг того матроса определил ее жизнь, которую она посвятила флоту. В судостроительном кружке она мастерила катамараны, водные велосипеды, затем стала старшиной в шлюпке.

– Меня тянуло на судостроительный завод, – рассказывает Вера Семеновна. – Я работала изолировщицей, монтажницей. Последним моим кораблем был крейсер «Петр Великий», на нем обрабатывала кабели.

В районе, где проживает Вера Семеновна, девять муниципальных округов, в каждом из них есть уполномоченный. Члены общества встречаются и беседуют со школьниками, торжественно вручают паспорта и провожают парней в армию.

– В прошлом году мы участвовали в ежегодной патриотической акции «Поезд Памяти» - «Минск-Брест», – поделилась своими впечатлениями В.С. Малофеева. – В ней участвовали 200 детей – победителей различных конкурсов. В Бресте нам показали реконструкцию начала военной операции, которая была настолько реалистичной, что люди от увиденного даже падали в обморок. Война

– это, действительно, очень страшно. Особенно огромное количество трупов на улицах блокадного Ленинграда. Мне очень понравилось в Алтайском крае. У вас потрясающая природа. В Барнауле я посетила краеведческий и военно-исторический музеи, была поражена великолепными и богатыми экспонатами и выставками. Посетила Горный Алтай, получила большие впечатления, как будто во второй раз побывала в Швейцарии. Было очень интересно общаться со школьниками. В прошлом году представительница нашего общества побывала в Боровлянке и рассказала много интересного. Поэтому и я рванула на Алтай. Очень важно, что здесь установлен памятник детям блокадного Ленинграда. Я болею этим и специально приехала сюда, чтобы взять с собой частичку этой памяти, сфотографировав мемориальный комплекс. Хочу представить отчет о прекрасных памятниках в Красноярске и селе Боровлянка мэру Санкт - Петербурга. В нашем городе тоже установлен памятник детям блокады, но он запрятан во дворах. Очень обидно, что такое отношение к людям, пережившим блокаду. Детские руки подняли из разрухи город, и мы хотим, чтобы на площади Мужества был поставлен памятник, который в действительности отражал бы горечь тех событий, уважение к погибшим в те годы. И примером для нас является замечательный памятник в с. Боровлянке.

*Дмитрий Будков
с. Троицкое*

В сборнике использованы материалы Троицкого музея имени А.Д. Сметанникова и Боровлянского школьного музеев, отдела по архивам Троицкого района, а также интернет - сайтов «Блокада Ленинграда» и «Дети блокадного Ленинграда»

Печатается по благословению
настоятеля Свято - Троицкой церкви
протоиерея Александра Жгунова

Составитель сборника:
Валентина Михайловна Каркавина

Художественные оформители:
Ольга Александровна Головань,
Александр Борисович Женихов

Пописано в печать-----
Бумага -----
Заказ---, тираж----
Отпечатано в типографии -----
г. Бийск, пр. Муромский 1
Тел.

с. Троицкое Троицкий район Алтайский край 2020 год

